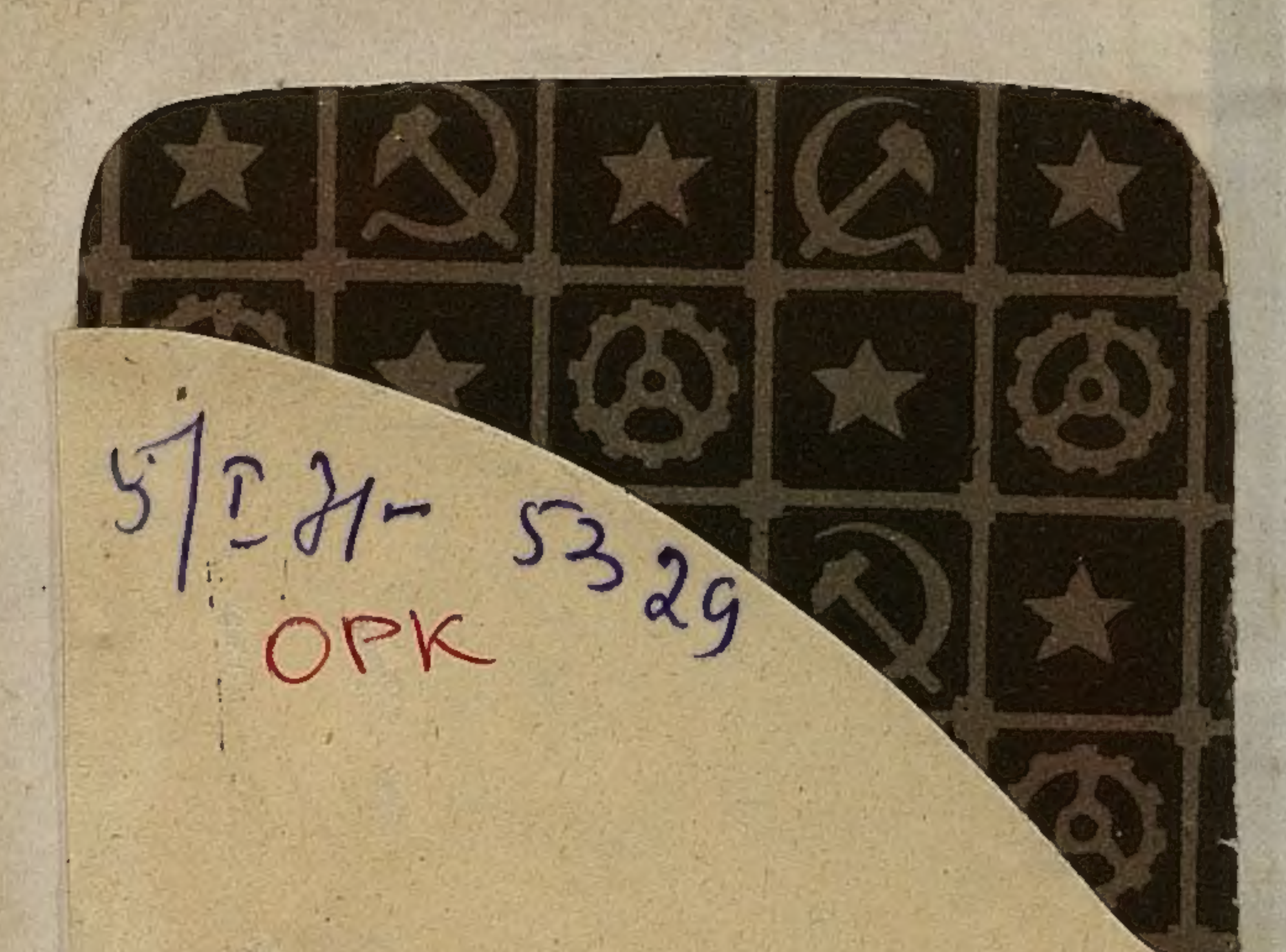
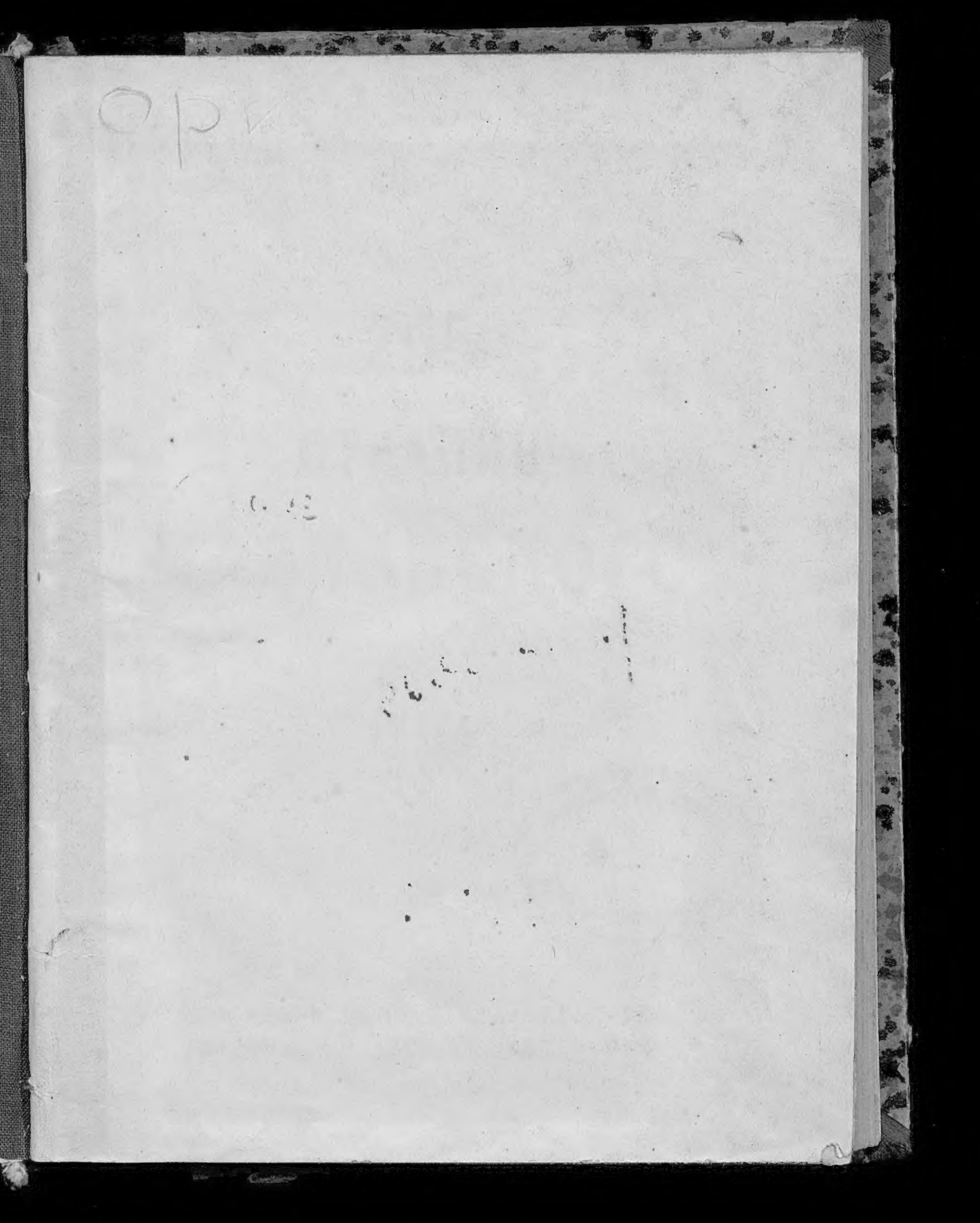
I

255

СТРАНИЦ МАЯКОВСКОГО

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

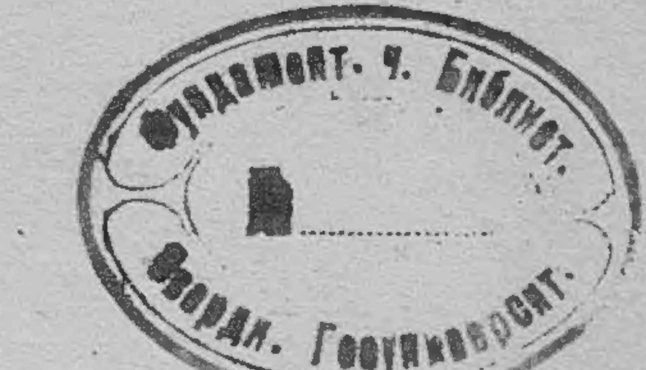

255 СТРАНИЦ МАЯКОВСКОГО

КНИГА

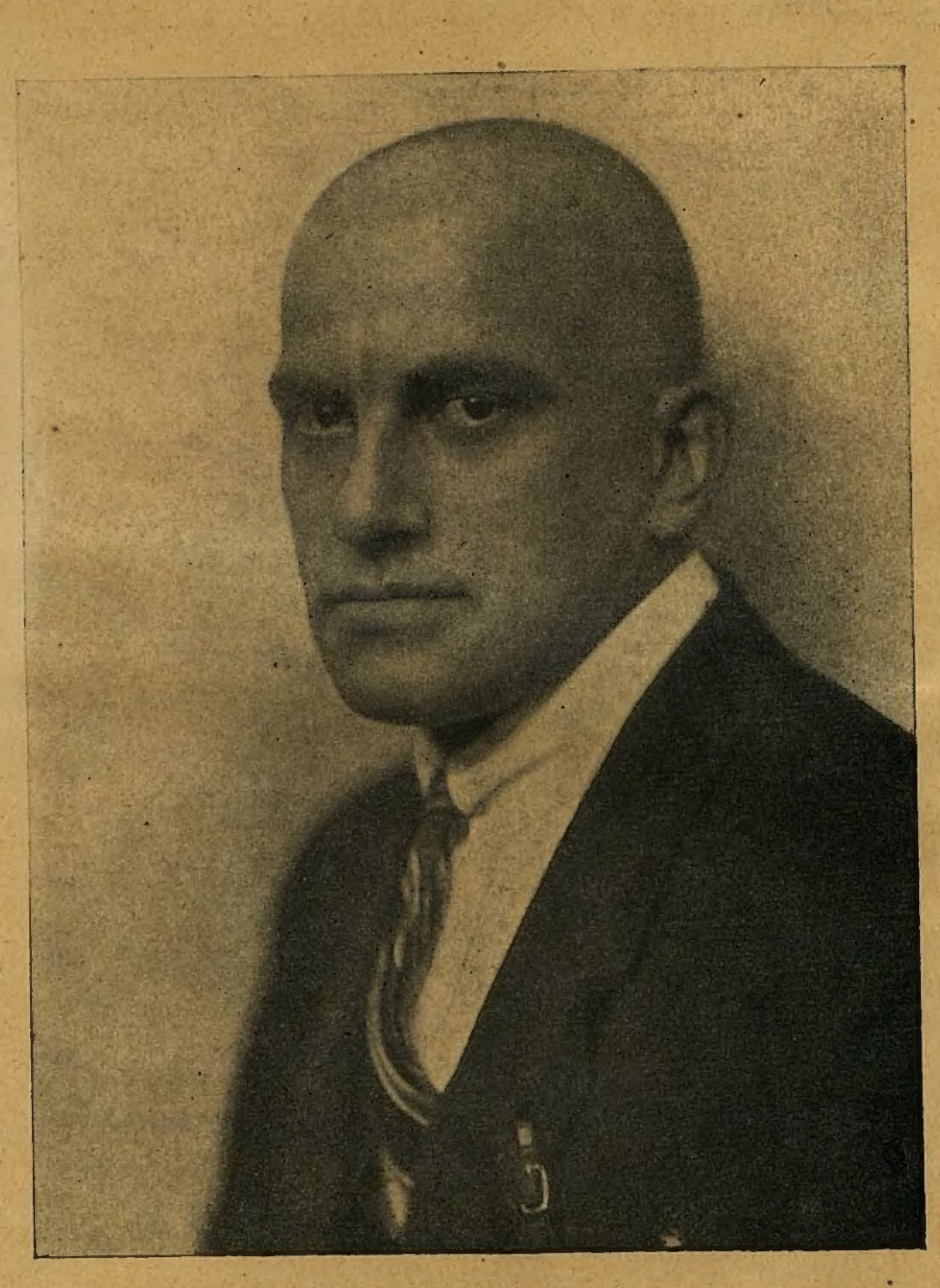
I

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1923 ПЕТРОГРАД

Гиз. № 4116. Главлит. № 9557. Тираж 7.000 экз.

„Мосполиграф". 20-я тип. „Красный Пролетарий". Пимен., 1/16.

Вл. Маяковский

Я
САМ

ТЕМА.

Я—поэт. Этим и интересен. Об этом и пишу. Люблю ли я, или я азартный, о красотах кавказской природы также—только если это отстоялось словом.

ПАМЯТЬ.

Бурлюк говорил:—у Маяковского память, что дорога в Полтаве,—каждый галошу оставит. Но лица и даты не запоминаю. Помню только, что в 1100 году куда-то переселялись какие-то «доряне». Подробностей этого дела не помню, но должно быть дело сериозное. Запоминать же—«сие написано 2 мая. Павловск. Фонтаны»—дело вовсе мелкое. Поэтому свободно плаваю по своей хронологии.

ГЛАВНОЕ.

Родился 7 июля 1894 г. (или 93—мнения мамы и послужного списка отца расходятся. Во всяком случае не раньше). Родина—с. Багдады, Кутаисская губ., Г. С. С. Р.

СОСТАВ СЕМЬИ.

Отец: Владимир Константинович (багдадск. лесничий) умер в 1906 г.

Мама: Александра Алексеевна		Живут:
Сестры:	а) Люда	К. Пресня,
	б) Оля	д. 44, кв. 6а.

Есть еще тетя Анюта. Других Маяковских, повидимому, не имеется.

1-ое ВОСПОМИНАНИЕ.

Понятия живописные. Место неизвестно. Зима. Отец выписал журнал «Родина». У родины «юмористическое» приложение. О смешных говорят и ждут. Отец ходит и поет свое всегдашнее «алон занфан де ля по четыре». «Родина» пришла. Раскрываю и сразу (картинка) ору: «как смешно! мужчина с тетей целуются». Смеялись. Позднее, когда пришло приложение и надо было действительно смеяться, выяснилось — раньше смеялись только надо мной. Так разошлись наши понятия о картинах и о юморе.

2-ое ВОСПОМИНАНИЕ.

Понятия поэтические. Лето. Приезжает масса. Красивый длинный студент — Б. П. Глушковский. Рисует. Кожаная тетрадища. Блестящая бумага. На бумаге длинный человек без штанов (а может в обтяжку) перед зеркалом. Человека зовут «Евгенионегиным.» И Боря был длинный, и нарисованный был длинный.

Ясно. Борю я и считал этим самым «Евгениoнегиным». Мнение держалось года три.

3-ье ВОСПОМИНАНИЕ.

Практические понятия. Ночь. За стеной бесконечный шопот папы и мамы. О рояли. Всю ночь не спал. Свербила одна и та же фраза. Утром бросился бегом: «Папа, что такое рассрочка платежа». Объяснение очень понравилось.

ДУРНЫЕ ПРИВЫЧКИ.

Лето. Потрясающие количества гостей. Накапливаются именины. Отец хвастается моей памятью. Ко всем именинам меня заставляют заучивать стихи. Помню—специально для папиных именин:

как-то раз перед толпою
соплеменных гор.

«Соплеменные» и «скалы» меня раздражали. Кто они такие, я не знал, а в жизни они не желали мне попадаться. Позднее я узнал, что это поэтичность, и стал тихо ее ненавидеть.

КОРНИ РОМАНТИЗМА.

Первый дом, вспоминаемый отчетливо. Два этажа. Верхний наш. Нижний—винный заводик. Раз в году—арбы винограда. Давили. Я ел. Они пили. Все это территория стариннейшей грузинской крепости под Багдадами. Крепость очетыреугольнивается крепостным

валом. В углах валов—накаты для пушек. В валах бойницы. За валами рвы. За рвами леса и шакалы. Над лесами горы. Подрос. Бегал на самую высокую. Снижаются горы к северу. На севере разрыв. Мечталось—это Россия. Тянуло туда невероятнейше.

НЕОБЫЧАЙНОЕ.

Лет семь. Отец стал брать меня в верховые объезды лесничества. Перевал. Ночь. Обстигло туманом. Даже отца не видно. Тропка узейшая. Отец, очевидно, отдернул рукавом ветку шиповника. Ветка с размаху шипами в мои щеки. Чуть повизгивая, вытаскиваю колючки. Сразу пропали и туман и боль. В расступившемся тумане под ногами—ярче неба. Это электричество. Клепочный завод князя Накашидзе. После электричества совершенно бросил интересоваться природой. Неусовершенствованная вещь.

УЧЕНИЕ.

Учила мама и всякоюродные сестры. Арифметика казалась неправдоподобной. Приходится рассчитывать яблоки и груши, раздаваемые мальчикам. Мне-ж всегда давали и я всегда давал без счета. На Кавказе фруктов сколько угодно. Читать выучился с удовольствием.

ПЕРВАЯ КНИГА.

Какая-то «Птичница Агафья». Если-б мне в то время попалось несколько таких книг—бросил бы читать

совсем. К счастью—вторая «Дон-Кихот». Вот это книга! Сделал деревянный меч и латы, разил окружающее.

ЭКЗАМЕН.

Переехали. Из Багдад в Кутаис. Экзамен в гимназию. Выдержал. Спросили про якорь (на моем рукаве)—знал хорошо. Но священник спросил—что такое «око». Я ответил— «Три фунта» (так по грузински). Мне объяснили любезные экзаменаторы, что «око» это «глаз» по древнему, церковно-славянскому. Из-за этого чуть не провалился. Поэтому возненавидел сразу—все древнее, все церковное и все славянское. Возможно, что отсюда пошли и мой футуризм, и мой атеизм, и мой интернационализм.

ГИМНАЗИЯ.

Приготовительный 1 и 2-ой. Иду первым. Весь в пятерках. Читаю Жюля Верна. Вообще фантастическое. Какой-то бородач стал во мне обнаруживать способности художника. Учит даром.

ЯПОНСКАЯ ВОЙНА.

Увеличилось количество газет и журналов дома. «Русские Ведомости», «Русское Слово», «Русское Богатство» и пр. Читаю все. Безотчетно взвинчен. Восхищают открытки крейсеров. Увеличиваю и перерисовываю. Появилось слово «прокламация». Прокламации вешали грузины. Грузинов вешали казаки. Мои товарищи грузины. Я стал ненавидеть казаков.

НЕЛЕГАЛЬЩИНА.

Приехала сестра из Москвы. Восторженная. Тайком дала мне длинные бумажки. Нравилось: очень рискованно. Помню и сейчас. Первая:

Опомнись, товарищ, опомнись-ка, брат,
скорей брось винтовку на землю.

и еще какое-то, с окончанием

„...а не то путь иной
к немцам с сыном с женой и с мамашей"...

(о царе).

Это была революция. Это было стихами. Стихи и революция как-то объединились в голове.

905 Г.

Не до учения. Пошли двойки. Перешел в четвертый только потому, что мне расшибли голову камнем (на Рионе подрался)—на переэкзаменовках пожалели. Для меня революция началась так: мой товарищ, повар священника—Исидор, от радости босой вскочил на плиту—убили генерала Алиханова. Усмиритель Грузии. Пошли демонстрации и митинги. Я тоже пошел. Хорошо. Воспринимаю живописно: в черном анархисты, в красном эс-эры, в синем эсдеки, в остальных цветах федералисты.

СОЦИАЛИЗМ.

Речи, газеты. Из всего—незнакомые понятия и слова. Требую у себя объяснений. В окнах белые книжи-

цы. «Буревестник». Про то же. Покупаю все. Вставал в 6 утра. Читал запоем. Первая «Долой Социалдемократов». Вторая: «Экономические беседы». На всю жизнь поразила способность социалистов распутывать факты, систематизировать мир. «Что читать?»—кажется, Рубакина. Перечел советуемое. Многое не понимаю. Спрашиваю. Меня ввели в марксистский кружок. Попал на Эрфуртскую. Середина. О «люмпенпролетариате». Стал считать себя социалдемократом: стащил отцовские берданки в эсдечий комитет.

Фигурой понравился Лассаль. Должно быть от того, что без бороды. Моложавей. Ласаль у меня перепутался с Демосфеном. Хожу на Рион. Говорю речи набрав камни в рот.

РЕАКЦИЯ.

По моему началось со следующего: при панике, (может разгоне) в демонстрацию памяти Баумана, мне (упавшему) попало большущим барабанищем по голове. Я испугался—думал—сам треснул.

906 ГОД.

Умер отец. Уколол палец. (Сшивал бумаги.) Заражение крови. С тех пор терпеть не могу булавок. Благополучие кончилось. После похорон отца—у нас три рубля. Инстинктивно, лихорадочно мы распродали столы и стулья. Двинулись в Москву. Зачем? Даже знакомых не было.

ДОРОГА.

Лучше всего—Баку. Вышки, цистерны, лучшие духи—нефть, а дальше степь. Пустыня даже.

МОСКВА.

Остановились в Разумовском. Знакомые сестры—Плотниковы. Утром паровиком в Москву. Сняли квартиренку на Бронной.

МОСКОВСКОЕ.

С едами плохо. Пенсия—10 р. в месяц. Я и две сестры учимся. Маме пришлось давать комнаты и обеды. Комнаты дрянные. Студенты жили бедные. Социалисты. Помню—первый передо мной «большевик» Вася Канделаки.

ПРИЯТНОЕ.

Послан за керосином. 5 рублей. В колониальной дали сдачи 14.50 к.; 10 р.—чистый заработок. Совестился. Обошел два раза магазин (Эрфуртская заела). Кто обсчитался, хозяин или служащий—тихо расспрашиваю приказчика.—Хозяин! Купил и съел 4 цукатных хлеба. На остальные гонял в лодке по Патриаршим прудам. Видеть с тех пор цукатных хлебов не могу.

РАБОТА.

Денег в семье нет. Пришлось выжигать и рисовать. Особенно запомнились пасхальные яйца. Круглые, вер-

тятся и скрипят, как двери. Яйца продавал в кустарный магазин на Неглинной. Штука 10—15 к. С тех пор бесконечно ненавижу Бемов, русский стиль и кустарщину.

ГИМНАЗИЯ.

Перевелся в 4 класс пятой гимназии. Единицы, слабо разноображиваемые двойками. Под партой «Анти-дюринг».

ЧТЕНИЕ.

Беллетристики не признавал совершенно. Философия. Гегель. Естествознание. Но главным образом марксизм. Нет произведения искусства, которым бы я увлекся более, чем «предисловием» Маркса. Из комнат студентов шла нелегальщина. «Тактика уличного боя» и т. д. Помню отчетливо синенькую Ленинскую «Две тактики». Нравилось, что книга срезана до букв. Для нелегального просовывания. Эстетика максимальной экономии.

ПЕРВОЕ ПОЛУСТИХОТВОРЕНИЕ.

Третья гимназия издавала нелегальный журнальчик «Порыв». Обиделся. Другие пишут, а я не могу?! Стал скрипеть. Получилось невероятно революционно и в такой же степени безобразно. Вроде теперешнего Кириллова. Не помню ни строки. Написал второе. Вышло лирично. Не считая таковое состояние сердца совместимым с моим «социалистическим достоинством», бросил вовсе.

ПАРТИЯ.

1908 год. Вступил в партию Р. С.-Д. Р. П. (большевиков). Держал экзамен в торгово-промышленном подрайоне. Выдержал. Пропагандист. Пошел к булочникам, потом к сапожникам и наконец к типографщикам. На общегородской конференции выбрали в М. К. Были Ломов, Поволжец, Смидович и др. Звался «тов. Константином».

АРЕСТ.

Нарвался на засаду в Грузинах. Наша нелегальная типография. Ел блок-нот. С адресами и в переплете. Пресненская часть. Охранка. Сущевская часть. Следователь Вольтановский (очевидно, считал себя хитрым) заставил писать под диктовку: меня обвиняли в писании прокламации. Я безнадежно перевирал диктант. Писал: «социяльдимокритическая». Провел. Выпустили на поруки. В части с недоумением прочел «Санина». Он почему-то в каждой части имелся. Очевидно, душеспасителен.

Вышел. С год — партийная работа.

ВТОРОЙ АРЕСТ.

Живущие у нас ведут подкоп под Таганку. Освобождать женщин-каторжан. Удалось устроить побег из Новинской тюрьмы. Меня забрали. Дома нашли револьвер и нелегальщину. Сидеть не хотел. Скандалил. Переводили из части в часть—Басманная, Мещанская, Мясницкая и т. д. — и наконец—Бутырки. Одиночка № 103.

11 БУТЫРСКИХ МЕСЯЦЕВ.

Важнейшее для меня время. После трех лет теории и практики—бросился на беллетристику.

Перечел все новейшее. Символисты—Белый, Бальмонт. Разобрала формальная новизна. Но было чуждо. Темы, образы не моей жизни. Попробовал сам писать так же хорошо, но про другое. Оказалось *так же про другое*—нельзя. Вышло ходульно и ревплаксиво. Что-то вроде:

> В золото, в пурпур леса одевались,
> Солнце играло на главах церквей.
> Ждал я: но в месяцах дни потерялись,
> Сотни томительных дней.

Исписал таким целую тетрадку. Спасибо надзирателям—при выходе отобрали. А то-б еще напечатал!

Отчитав современность, обрушился на классиков. Байрон, Шекспир, Толстой. Последняя книга—«Анна Каренина». Не дочитал. Ночью вызвали «с вещами по городу». Так и не знаю, чем у них там, у Карениных, история кончилась.

Меня выпустили. Должен был (охранка постановила) итти на 3 года в Туруханск. Друг отца Махмудбеков заявил, что револьвер его, и отхлопотал меня у Курлова.

Во время сидки судили по первому делу—виновен, но летами не вышел. Отдать под надзор полиции и под родительскую ответственость.

ТАК НАЗЫВАЕМАЯ ДИЛЕММА.

Вышел взбудораженный. Те, кого я прочел,—т. н. великие. Но до чего же нетрудно писать лучше их. У меня уже и сейчас правильнее отношение к миру. Только нужен опыт в искусстве. Где взять? Я неуч. Я должен пройти сериозную школу. А я вышиблен даже из гимназии, даже и из Строгановского. Если остаться работать в партии—надо стать нелегальным. Нелегальным не научишься. Перспектива—всю жизнь писать летучки, выкладывать мысли, взятые из правильных, но не мной придуманных книг. Если из меня вытряхнуть прочитанное, что останется? Марксистский метод. Но не в детские ли руки попало это оружие? Легко орудовать им, если имеешь дело только с мыслью своих. А что при встрече с врагами? Ведь вот лучше Белого я все-таки не могу написать. Он про свое весело—«в небеса запустил ананасом», а я про свое ною «сотни томительных дней». Хорошо другим партийцам. У них еще и университет. (А высшую школу—я еще не знал, что это такое—я тогда уважал!)

Что я могу противопоставить навалившейся на меня эстетике старья? Разве революция не потребует от меня сериозной школы? Я зашел к тогда еще товарищу по партии — Медведеву: хочу делать социалистическое искусство. Сережа долго смеялся: кишка тонка.

Думаю все-таки, что он не дооценил мои кишки.

Я прервал партийную работу. Я сел учиться.

НАЧАЛО МАСТЕРСТВА.

Думалось — стихов писать не могу. Опыты плачевные. Взялся за живопись Учился у Жуковского. Вместе с какими-то дамочками писал серебренькие сервизики. Через год догадался — учусь рукоделию. Пошел к Келину. Реалист. Хороший рисовальщик. Лучший учитель. Твердый. Меняющийся.

Требование — мастерство, Гольбейн. Терпеть не могущий красивенькое.

Поэт почитаемый — Саша Черный. Радовал его антиэстетизм.

ПОСЛЕДНЕЕ УЧИЛИЩЕ.

Сидел на «голове» год. Поступил в училище живописи ваяния и зодчества: единственное место, куда приняли без свидетельства о благонадежности. Работал хорошо.

Удивило: подражателей лелеют — самостоятельных гонят. Ларионов, Машков. Ревинстинктом стал за выгоняемых.

ДАВИД БУРЛЮК.

В училище появился Бурлюк. Вид наглый. Лорнетка. Сюртук. Ходит напевая. Я стал задирать. Почти задрались.

В КУРИЛКЕ.

Благородное собранне. Концерт. Рахманинов. Остров мертвых. Бежал от невыносимой мелодизирован-

ной скуки. Через минуту и Бурлюк. Расхохотались друг в друга. Вышли шляться вместе.

ПАМЯТНЕЙШАЯ НОЧЬ.

Разговор. От скуки рахманиновской перешли на училищную, от училищной на всю классическую скуку. У Давида—гнев обогнавшего современников мастера, у меня—пафос социалиста, знающего неизбежность крушения старья. Родился российский футуризм.

СЛЕДУЮЩАЯ.

Днем у меня вышло стихотворение. Вернее куски. Плохие. Нигде не напечатаны. Ночь. Сретенский бульвар. Читаю строки Бурлюку. Прибавляю—это один мой знакомый. Давид остановился. Осмотрел меня. Рявкнул: «Да это же-ж вы сами написали. Да вы же-ж гениальный поэт!». Применение ко мне такого грандиозного и незаслуженного эпитета обрадовало меня. Я весь ушел в стихи. В этот вечер совершенно неожиданно я стал поэтом.

БУРЛЮЧЬЕ ЧУДАЧЕСТВО.

Уже утром Бурлюк, знакомя меня с кем-то, басил: «Не знаете? Мой гениальный друг. Знаменитый поэт Маяковский». Толкаю. Но Бурлюк непреклонен. Еще и рычал на меня отойдя: «Теперь пишите. А то вы меня ставите в глупейшее положение».

ТАК ЕЖЕДНЕВНО.

Пришлось писать. Я и написал первое (первое профессиональное, печатаемое) «Багровый и белый» и др.

ПРЕКРАСНЫЙ БУРЛЮК.

Всегдашней любовью думаю о Давиде. Прекрасный друг. Мой действительный учитель. Бурлюк сделал меня поэтом. Читал мне французов и немцев. Всовывал книги. Ходил и говорил без конца. Не отпускал ни на шаг. Выдавал ежедневные 50 к. Чтоб писать не голодая.

На рождество завез к себе в Новую Маячку. Привез «Порт» и др.

ПОЩЕЧИНА.

Из Маячки вернулись. Если не с отчетливыми взглядами, то с отточенными темпераментами. В Москве Хлебников. Его тихая гениальность тогда была для меня совершенно затемнена бурлящим Давидом. Здесь же вился футуристический иезуит слова — Крученых.

После нескольких ночей лирики родили совместный манифест. Давид собирал, переписывал, дал имя и выпустил «Пощечину общественному вкусу».

ПОШЕВЕЛИВАЮТСЯ.

Выставки «Бубновый Валет». Диспуты. Разъяренные речи мои и Давида. Газеты стали заполняться футуризмом. Тон был не очень вежливый. Так, например, меня просто называли «сукиным сыном».

2*

ЖЕЛТАЯ КОФТА.

Костюмов у меня не было никогда. Были две блузы—гнуснейшего вида. Испытанный способ—украшаться галстуком. Нет денег. Взял у сестры кусок желтой ленты. Обвязался. Фурор. Значит самое заметное и красивое в человеке галстук. Очевидно—увеличишь галстук, увеличится и фурор. А так как размеры галстуков ограничены, я пошел на хитрость: сделал галстуковую рубашку и рубашковый галстук.

Впечатление неотразимое.

РАЗУМЕЕТСЯ.

Генералитет искусства ощерился. Князь Львов. Директор училища. Предложил прекратить критику и агитацию. Отказались.

Совет «художников» изгнал нас из училища.

ВЕСЕЛЫЙ ГОД.

Ездили Россией. Вечера. Лекции. Губернаторство настораживалось. В Николаеве нам предложили не касаться ни начальства, ни Пушкина. Часто обрывались полицией на полуслове доклада. К ватаге присоединился Вася Каменский. Старейший футурист.

Для меня эти годы—формальная работа, овладение словом.

Издатели не брали нас. Капиталистический нос чуял в нас динамитчиков. У меня не покупали ни одной строчки.

Возвращаясь в Москву—чаще всего жил на бульварах.

Это время завершилось трагедией «Влад. Маяковский». Поставлена в Петербурге. Луна-Парк. Просвистели ее до дырок.

НАЧАЛО 14-го г.

Чувствую мастерство. Могу овладеть темой. Вплотную. Ставлю вопрос о теме. О революционной. Думаю над «Облаком в штанах».

ВОЙНА.

Принял взволнованно. Сначала только с декоративной, с шумовой стороны. Стих.—«Война объявлена».

АВГУСТ.

Первое сражение. Вплотную встал военный ужас. Война отвратительна. Тыл еще отвратительней. Чтобы сказать о войне—надо ее видеть. Пошел записываться добровольцем. Не позволили. Нет благонадежности.

И у полковн. Модля оказалась одна хорошая идея.

ЗИМА.

Отвращение и ненависть к войне. «Ах закройте, закройте глаза газет» и др.

Интерес к искусству пропал вовсе.

МАЙ.

Выиграл 65 руб. Уехал в Финляндию. Куоккала.

КУОККАЛА.

Семизнакомая система (семипольная). Установил 7 обедающих знакомств. В воскресение «ем» Чуковского, понедельник—Евреинова и т. д. В четверг было хуже — ем Репинские травки. Для футуриста ростом в сажень это не дело.

Вечера шатаюсь пляжем. Пишу Облако.

Выкрепло сознание близкой революции.

Поехал в Мустамяки. М. Горький. Читал ему части Облака. Расчувствовавшийся Горький обплакал мне весь жилет. Расстроил стихами. Я чуть загордился. Скоро выяснилось, что Горький рыдает на каждом поэтическом жилете.

Все же жилет храню. Могу кому-нибудь уступить для провинциального музея.

НОВЫЙ САТИРИКОН.

65 руб. прошли легко и без боли. «В рассуждении чего б покушать» стал писать в Новом Сатириконе.

РАДОСТНЕЙШАЯ ДАТА.

Июль 915 г. Знакомлюсь с Л. Ю. и О. М. Бриками.

ПРИЗЫВ.

Забрили. Итти на фронт не хочу. Притворился чертежником. Ночью учусь у какого-то инженера чертить авто. С печатанием еще хуже. Солдатам запрещают. Один Брик радует. Покупает все мои стихи по 50 к. строку. Напечатал «Флейту Позвоночника» и «Облако». Облако вышло перистое. Цензура в него дула. Страниц 6 сплошных точек.

С тех пор у меня ненависть к точкам. К запятым тоже.

СОЛДАТЧИНА.

Паршивейшее время. Рисую (изворачиваюсь) начальниковы портреты. В голове разворачивается «Война и Мир» — в сердце — «Человек».

16 ГОД.

Окончена «Война и Мир». Немного позднее — «Человек». Куски печатаю в «Летописи». На военщину нагло не показываюсь.

26 ФЕВРАЛЯ 17 ГОД.

Пошел с автомобилями к Думе. Влез в кабинет Родзянки. Осмотрел Милюкова. Молчит. Но мне почему то кажется, что он заикается. Через час надоели. Ушел. Принял на несколько дней команду автошколой. Гучковеет. Старое офицерье по-старому расхаживает в думе. Для меня ясно — за этим, неизбежно, сейчас

же социалисты. Большевики. Пишу в первые же дни революции «Поэтохронику — Революция». Читаю лекции — «Большевики искусства».

АВГУСТ.

Россия понемногу откереньщивается. Потеряли уважение. Ухожу из «Новой Жизни». Задумываю «Мистерию-Буфф».

ОКТЯБРЬ.

Принимать или не принимать? Такого вопроса для меня (и для других москвичей футуристов) не было. Моя революция. Пошел в Смольный. Работал. Все что приходилось. Начинают заседать.

ЯНВАРЬ.

Заехал в Москву. Выступаю. Ночью «Кафе поэтов» в Настасьинском. Революционная бабушка теперешних кафепоэтных салончиков. Пишу кино-сценарии. Играю сам. Рисую для него плакаты. Июнь. Опять Петербург.

18 ГОД.

Р. С. Ф. С. Р. — не до искусства. А мне — именно до него. Заходил в Пролеткульт к Кшесинской.

Отчего не в партии? Коммунисты работали на фронтах. В искусстве и просвещении — соглашатели. Меня послали б ловить рыбу в Астрахань.

25 ОКТЯБРЯ 18 Г.

Окончил мистерию. Читал. Говорят много. Поставил Мейерхольд с К. Малевичем. Ревели вокруг страшно. Особенно коммунистичествующая интеллигенция. Андреева чего чего не делала. Чтоб мешать. 3 раза поставили — потом расколотили. И пошли макбеты.

19 ГОД.

Езжу с мистерией и другими вещами моими и товарищей по заводам. Радостный прием. В выборгском районе организуется комфут, издаем «Искусство коммуны». Академии трещат. Весной переезжаю в Москву.

Голову охватила 150.000.000. Пошел в агитацию Роста.

20 Г.

Кончил «сто пятьдесят миллионов». Печатаю без фамилии. Хочу, чтоб каждый дописывал и лучшил. Этого не делали, зато фамилию знали все. Все равно. Печатаю здесь под фамилией.

Дни и ночи Роста. Наступают всяческие Деникины. Пишу и рисую. Сделал тысячи три плакатов и тысяч шесть подписей.

21 Г.

Пробиваясь сквозь все волокиты, ненависти, канцелярщины и тупости — ставлю второй вариант мистерии. Идет в I Р. С. Ф. С. Р. — в режиссуре Мей-

ерхольда с художн. Лавинским, Храковским, Киселевым и в цирке на немецком языке для 3-го конгресса коминтерна. Ставит Грановский с Альтманом и Равделем. Прошло около ста раз.

Стал писать в «Известиях».

22 Г.

Организую издательство МАФ. Собираю футуристов — коммуны. Приехали с дальнего востока Асеев, Третьяков и др. товарищи по дракам. Начал записывать работанный третий год 5 интернационал. Утопия. Будет показано искусство через 500 лет.

Задумано: О любви. Громадная поэма. В будущем году кончу.

На очереди 2 пьесы: а то их мало и дрянь.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

Сказанным не думал исчерпаться. Кроме всего изложенного люблю напр. астрономию. «Розовый фонарь» закрыли после чтения мной «Через час отсюда». Бродячую тоже чуть не...за—«Вам проживающим». Но на это надо уже романы писать. А я поэт. И это — так наз. автобиография. Все.

Прим. В этих моих двух книгах, изданных ГИЗ'ом, я подбирал вещи по характерности для разных моих периодов и по теме — революция.

1-ая большие.

2-ая мельче.

ВОЙНА И МИРЪ.

Пролог.

Хорошо вам.
Мертвые сраму не имут.
Злобу
к умершим убийцам туши.
Очистительнейшей влагой вымыт
грех отлетевшей души.

Хорошо вам!
А мне,
сквозь строй,
сквозь грохот,
как пронести любовь к живому?
Оступлюсь—
и последней любовишки кроха
навеки канет в дымный омут.

Что им,
вернувшимся,
печали ваши,
что им,
каких-то стихов бахрома?!

Им
на паре-б деревяшек
день кое-как прохромать!

Боишься!
Трус!
Убьют!
А так
полсотни лет еще можешь, раб, расти.
Ложь!
Я знаю,
и в лаве атак
я буду первый
в геройстве,
в храбрости.

О, кто же
набатом будущих годин
званый
не выйдет брав?
Все!
А я
на земле
один
глашатай грядущих правд.

Сегодня ликую!
Не разбрызгав
душу,

сумел,
сумел донесть.
Единственный человечий
средь воя,
средь визга,
голос
подъемлю днесь.

А там
расстреливайте,
вяжите к столбу!
Я ль изменюсь в лице?
Хотите—
туза
нацеплю на лбу,
чтоб ярче горела цель?!

ПОСВЯЩЕНИЕ.

8 октября.
1915 год.
Даты
времени,
смотревшего в обряд
посвящения меня в солдаты.

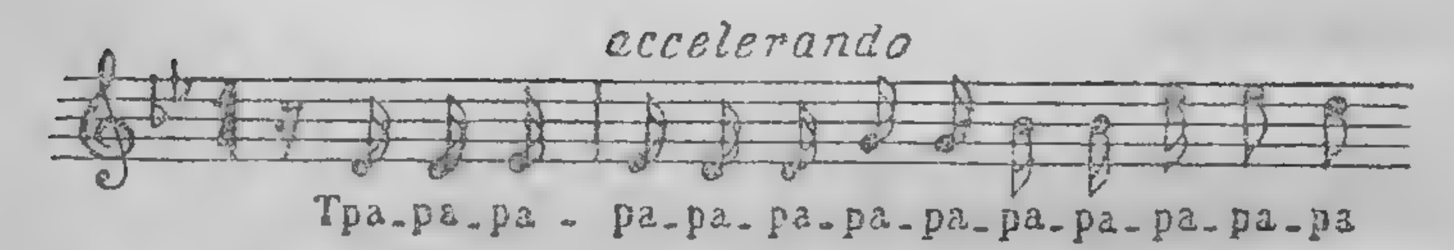
«Слышите!
Каждый,
ненужный даже, —
должен жить;
нельзя,
нельзя ж его
в могилы траншей и блиндажей
вкопать заживо —
убийцы!»

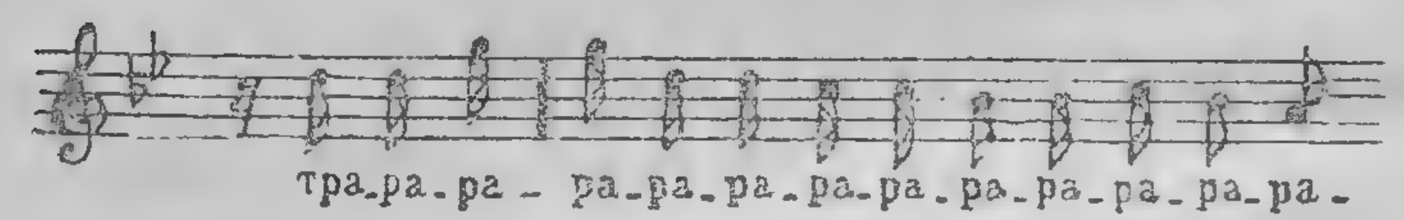
Не слушают.
Шестипудовый унтер сжал, как пресс.
От уха до уха выбрили аккуратненько.
Мишенью

на лоб
нацепили крест
ратника.

Теперь и мне на запад!
Буду итти и итти там,
Пока не оплачут твои глаза
под рубрикой
«убитые»
набранного петитом.

ЧАСТЬ I.

И вот,
на эстраду,
колеблемую костром оркестра,
вывалился живот.
И начал!
Рос в глазах, как в тысячах луп.
Змеился.
Пот сиял лачком.
Вдруг, —
остановил мелкающий пуп.
вывертелся волчком.

Что было!
Лысины слиплись в одну луну.
Смаслились глазки щелясь.

Даже пляж,
расхлестав соленую слюну,
осклабил утыканную домами челюсть.

Вывертелся.
Рты
как электрический ток
скрючило «браво».
Браво!
Бра-аво!
Бра-а-аво!
Бра-а-а-аво!
Б-р-а-а-а-а-в-о!
Кто это,
кто?
Это масомясая
быкомордая орава?

Стихам не втиснешь в тихие томики
крик гнева.
Это внуки Колумбов,
Галлилеев потомки
ржут, запутанные в серпантинный невод!

А там,
всхлобучась на вечер чинный
женщины
раскачивались шляпой стоперой.
И в клавиши тротуаров бухали мужчины,
уличных блудилищ остервенелые таперы.

Вправо,
влево,
вкривь,
вкось,
выфрантив полей лоно,
вихрились нанизанные на земную ось
карусели
Вавилонищ,
Вавилончиков,
Вавилонов.

Над ними
бутыли,
восхищающие длиной.
Под ними
бокалы
пьяной ямой.
Люди
или валялись,
как упившийся Ной,
или грохотали мордой многохамой!

Нажрутся,
а после,
в ночной слепоте,
вывалясь мясами в пухе и вате, —
сползутся друг на друге потеть,
города содрогая скрипом кроватей.

Гниет земля,
ламп огни ей
взрывают кору горой волдырей;
дрожа городов агонией,
люди мрут
у камня в дыре.
Врачи
одного
вынули из гроба,
чтоб понять людей небывалую убыль:
в погрызанной душе
золотолапым микробом
вился рубль.

Во все концы,
чтоб скорее вызлить
смерть,
взбурлив людей крышам вровень,
сердец столиц тысячесильные Дизели
вогнали вагоны зараженной крови.

Тихие!
Недолго пожили.

Сразу
железо рельс всочило по жиле
в загар деревень, городов заразу.
Где пели птицы — тарелок лязги.
Где бор был — площадь стодомым содомом.
Шестиэтажными фавнами ринулись в пляски
публичный дом за публичным домом.

Солнце подымет рыжую голову,
запекшееся похмелье на вспухшем рте;
и нет сил удержаться голому —
взять
не вернуться ночам в вертеп.
И еще не успеет,
ночь, арапка
лечь, продажная,
в отдых,
в тень,
на нее,
раскаленную тушу, вскарабкал
новый голодный день.

В крыши зажатые!
Горсточка звезд
ори!
Шарахайся испуганно вечер-инок!
Идем!
Раздуем на самок
ноздри,
выеденные зубами кокаина!

ЧАСТЬ II.

Это случилось в одну из осеней,
были
горюче-сухи
все,
металось солнце,
сумасшедший маляр,
оранжевым колером пыльных выпачкав.
Откуда-то
на землю
нахлынули слухи.
Тихие.
Заходили на цыпочках.

Их шопот тревогу в груди выселил,
а страх,
под черепом,
рукой красной
распутывал, распутывал и распутывал мысли,
и стало невыносимо ясно:
если не собрать людей пучками рот,

не взять и не взрезать людям вены, —
зараженная земля
сама умрет —
сдохнут Парижи,
Берлины,
Вены!

Чего размякли!?
Хныкать поздно!
Раньше б раскаянье осеняло!
Тысячеруким врачам
ланцетами роздано
оружье из арсеналов.

Италия!
Королю,
брадобрею ли,
ясно —
некуда деться ей!
Уже сегодня
реяли
немцы над Венецией!

Германия!
Мысли,
музеи,
книги,
каньте в разверстые жерла.
Зевы зарев, оскальтесь нагло!

Бурши,
скачите верхом на Канте!
Нож в зубы!
Шашки наголо!

Россия!
Разбойной ли Азии зной остыл!?
В крови желанья бурлят ордой.
Выволакивайте забившихся под Евангелие Толстых!
За ногу худую!
По камню бородой!

Франция!
Гони с бульваров любовный шопот!
В новые танцы—юношей выловить!
Слышишь, нежная?
Хорошо
под музыку митральезы жечь и насиловать!

Англия!
Турция!..
Т-р-а-а-ах!
Что это?
Послышалось!
Не бойтесь!
Ерунда!
Земля!
Смотрите

что по волосам ее?
Морщины окопов легли на чело!
Т-с-с-с-с-с-с
грохот.
Барабаны, музыка?
Неужели?
Она это,
она самая?
Да!
НАЧАЛОСЬ.

ЧАСТЬ III.

Нерон!
Здравствуй!
Хочешь?
Зрелище величайшего театра.
Сегодня
бьются
государством в государство
16 отборных гладиаторов.

Куда легендам о бойнях Цезарей
перед былью,
которая теперь была!
Как на детском лице заря,
нежна ей
самая чудовищная гипербола.

Белкой скружишься у смеха в колесе,
когда узнает твой прах о том:
сегодня,
мир
весь Колизей
и волны всех морей
по нем изостлались бархатом.

Трибуны скалы;
и на скале там,
будто бой ей зубы выломил —
поднебесья соборов
скелет за скелетом
выжглись
и обнеслись перилами.
Сегодня
заревом земную плешь она,
кровавя толп ропот,
в небо
люстрой подвешена
целая зажженная Европа.

Пришли,
расселись в земных долинах
гости
в страшном наряде.
Мрачно поигрывают на шеях длинных
ожерелья ядер.

Золото славян.
Черные мадьяр усы.
Негров непроглядны пятна.
Всех земных широт ярусы
вытолпила с головы до пят она.
И там,
где Альпы,
в закате грея,

выласкали в небе лед щеки, —
облаков галлереей
нахохлились зоркие летчики.

И когда
на арену
воины
вышли
парадными парами,
в версты шарахнув театром удвоенный
грохот и гром миллиардных армий, —
шар земной
полюсы стиснул
и в ожидании замер.
Седоволосые океаны
вышли из берегов,
впились в арену мутными глазами.
Пылающими сходнями
спустилось солнце
суровый,
вечный арбитр.
Выгорая от любопытства
звезд глаза повылезли из орбит.

А секунда медлит и медлит.
Лень ей.

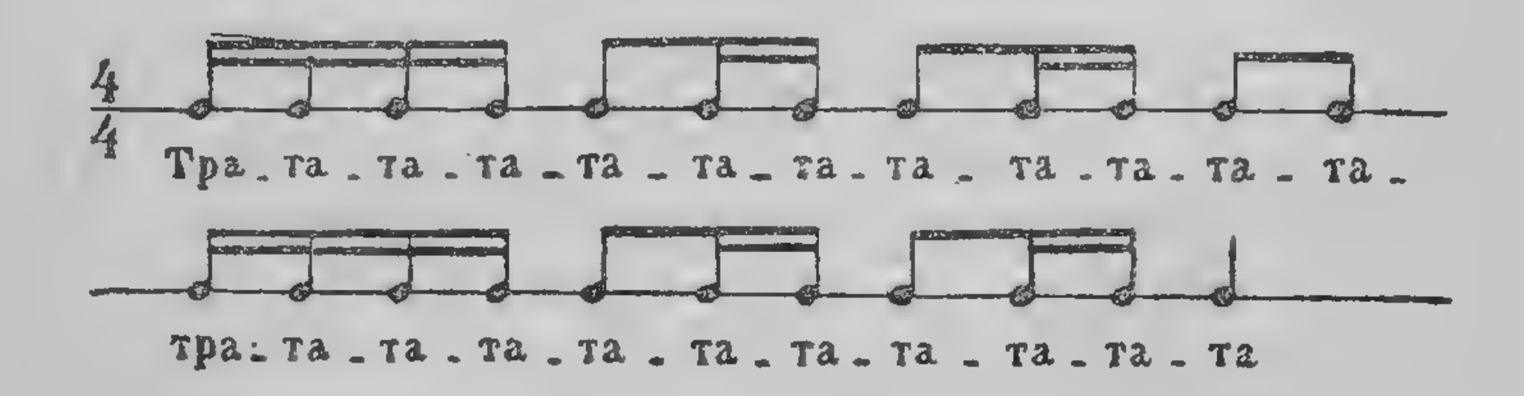
К началу кровавых игр
напряженный как совокупление
не дыша остановился миг.

Вдруг
секунда в дребезги.
Рухнула арена дыму в дыру.
В небе ни зги.
Секунды быстрились и быстрились —
взрывали,
ревели.
рвали.
Пеной выстрел на выстреле
огнел в кровавом вале.

Вперед!

Вздрогнула от крика грудь дивизий.
Вперед!
Пена у рта.
Разящий Георгий у знамен в девизе
барабаны

Бутафор!
Катафалк готовь!
Вдов в толпу!
Мало вдов еще в ней.
И взвился
в небо
фейерверк фактов,
один другого чудовищней.

Выпучив глаза,
маяк
из- за гор
через океаны плакал;
а в океанах
эскадры корчились,
насаженные мине на кол.

Дантова ада кошмаром намаранней,
громоголосие меди грохотом изоржав,
дрожа за Париж,
последним
на Марне
ядром отбивается Жоффр.

С юга
Константинополь,
оскалив мечети,
выблевывал
вырезанных

в Босфор.
Волны!
мечите их,
впившихся зубами в огрызки просфор!

Лес.
Ни голоса.
Даже нарочен
в своей тишине.
Смешались их и наши.
И только
проходят
вороны да ночи,
в чернь облачась чредой монашьей.

И снова,
грудь обнажая зарядам,
плывя по веснам,
пробиваясь в зиме,
армия за армией
ряд за рядом
заливают мили земель.

Разгорается.
Новых из дубров волок.
Огня пентаграма в пороге луга.
Молниями колючих проволок
сожраны сожженные в уголь.
Батареи до бела раскалили жару.

Прыгают по трупам городов и сел.
Медными мордами жрут
все.

Огневержец!
Где не найдешь карая!
Впутаюсь ракете;
в небо вбегу;
с неба
красная,
рдея у края,
кровь Пегу.

И тверди,
и воды,
и воздух взрыт.
Куда направлю опромети шаг?
Уже обезумевшая,
уже
вырываясь молит душа:

Война!
Довольно!
Уйми ты их!
Уже на земле голо́.
Метнулись гонимые разбегом убитые,
и еще
минуту
бегут без голов.

А над всем этим
дьявол
зарево зевот дымит.
Это в созвездии железнодорожных линий
стоит,
озаренное пороховыми заводами,
небо в Берлине.

Никому не ведомо,
дни ли,
годы ли,
с тех пор как на поле
первую кровь войне отдали,
в чашу земли сцедив по капле.

Одинаково—
камень,
болото,
халупа ли,
человечьей кровищей вымочили весь его.
Везде
шаги
одинаково хлюпали,
меся дымящееся мира месиво.

В Ростове
рабочий
в праздничный отдых
захотел

воды для самовара выжать,—
и отшатнулся:
во всех водопроводах
сочилась та же рыжая жижа.

В телеграфах надрывались машины Морзе.
Орали городам об юных они.
Где то
на Ваганькове
могильщик заерзал.
Двинулись факельщики в хмуром Мюнхене.

В широко развороченную рану полка
раскаленную лапу всунули прожекторы.
Подняли одного
бросили в окоп,—
того
на ноже который!
Библеец лицом,
изо рва,
ряса.
«Вспомните!
За ны!
При Понтийстем Пилате!»
А ветер ядер
в клочки изорвал
мясо и платье.

Выдернулась из дыма сотня голов.
Не сметь заплаканных глаз им!
Заволокло
газом.

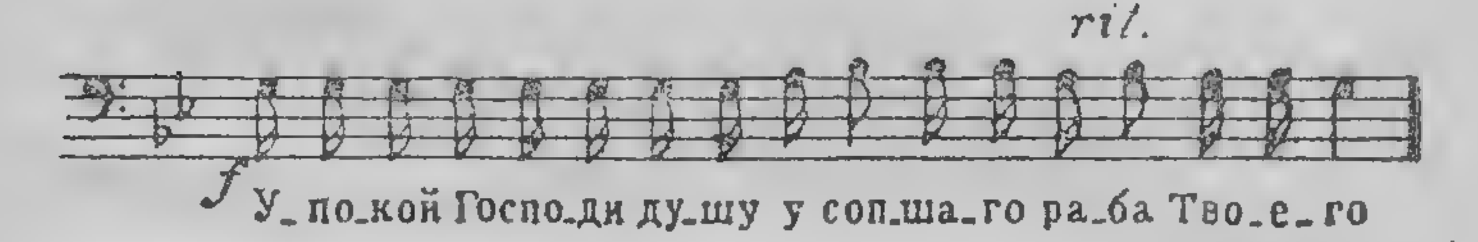

Белые крылья выросли у души,
стон солдат в пальбе доносится.
«Ты на небо летишь,—
удуши,
удуши его
победоносца».

Бьется грудь неровно...
Шутка ли!
К Богу на дом!
У рая в облака бронированного
дверь расшибаю прикладом.

Трясутся ангелы.
Даже жаль их.
Белее перышек личика овал.
Где они,—
боги!
«Бежали

все бежали
и Саваоф,
и Будда,
и Аллах.
и Иегова».

Ухало.
Ахало.
Охало.
Но уже не та канонада,
повздыхала еще
и заглохла.
Вылезли с белым.
Взмолились
—не надо!—

Никто не просил,
чтоб была победа
родине начертана.
Безрукому огрызку кровавого обеда
на чорта она?!
Последний на штык насажен,
наши отходят на Ковно,
на сажень
человечьего мяса нашинковано.

И когда затихли
все кто нападали
лег
батальон на батальоне,
выбежала смерть
и затанцовала на падали,
балета скелетов безносая Тальони.

Танцует.
Ветер из под носка.
Шевельнул папахи,
обласкал на мертвом два волоска,
и дальше,—
попахивая.

Пятый день
в простреленной голове
поезда выкручивают за изгибом изгиб.
В гниющем вагоне
на сорок человек—
четыре ноги.

ЧАСТЬ IV.

Эй!
Вы!
Притушите восторженные глазенки?
Лодочки ручек суньте в карман!
Это
достойная награда
за выжатое из бумаги и чернил.

А мне за что хлопать?

Я ничего не сочинил.
Думаете:
врет!
Нигде не прострелен.
В целехоньких висках биенья не уладить,
если рукоплещут
его барабанов трели,
его проклятий рифмованной руладе.

Милостивые государи!
Понимаете вы?

Боль берешь,
растишь и растишь ее:
всеми пиками истыканная грудь,
всеми газами свороченное лицо,
всеми артиллериями громимая цитадель головы,—
каждое мое четверостишие.

Не затем
взвела
по насыпям тел она,
чтоб горестный
сочил заплаканную гнусь;
страшной тяжестью всего, что сделано
без всяких
«красиво»
прижатый гнусь.

Убиты;—
и все равно мне,
я или он их
убил.
На братском кладбище,
у серца в яме,
легли миллионы,
гниют,
шевелятся, приподымаемые червями!

Нет!
Не стихами!

Лучше
язык узлом завяжу,
чем разговаривать.
Этого
стихами сказать нельзя.
Выхоленным ли языком поэта
горящие жаровни лизать!

Эта!
В руках!
Смотрите!
Это не лира вам!
Раскаяньем вспоротый
сердце вырвал,—
рву аорты!

В кашу рукоплесканий ладош не вмесите!
Нет!
Не вмесите!
Рушься комнат уют!
Смотрите
под ногами камень.
На лобном месте стою.
Последними глотками
воздух...

Вытеку срубленный,
но кровью выем

имя «убийца»,
выклейменное на человеке.
Слушайте!
Из меня,
слепым Вием,
время орет:
— подымите,
подымите мне
веков веки! —

Вселенная расцветет еще
радостна,
нова.
Чтоб не было бессмысленной лжи за ней,
каюсь:
я
один виноват
в растущем хрусте ломаемых жизней!

Слышите, —
солнце первые лучи выдало,
еще не зная,
куда —
отработав денется,
это я, —
Маяковский
подножию идола
нес
обезглавленного младенца.

Простите!

В христиан зубов резцы
вонзая,
львы вздымали рык.
Вы думаете, — Нерон?
Это я,
Маяковский
Владимир,
пьяным глазом обволакивал цирк?

Простите меня!

Воскрес Христос.
Свили
одной любовью
с устами уста вы:
Маяковский
еретикам
в подземелье Севильи
дыбой выворачивал суставы

Простите,
простите меня!

Дни!
Вылазьте из годов лачуг!
Какой раскрыть за собой
еще?

Дымным хвостом по векам волочу
оперенное пожарами побоище!

Пришел.

Сегодня.
Не немец,
не русский,
не турок, —
это я
сам,
с живого сдирая шкуру,
жру мира мясо.
Тушами на штыках материки.
Города — груды глиняные.
Кровь!
выцеди из твоей реки
хоть каплю,
в которой невинен я!

Нет такой!
Этот
выколотыми глазами —
пленник
мною меченный.
Я,
в поклонах разбивший колени,
голодом выглодал земли неметчины.

Мечу пожаров рыжие пряди.
Волчьи щетинюсь из темени ям.
Люди!
Дорогие!
Христа ради,
ради Христа
простите меня!

Нет,
не подыму искажённого тоской лица!
Всех окаяннее,
пока не расколется,
буду лоб разбивать в покаянии!

Встаньте,
ложью верженные ниц,
оборванные войнами
калеки лет!
Радуйтесь!
Сам казнится
единственный людоед.

Нет,
не осужденного выдуманная хитрость!
Пусть с плахи не соберу разодранные части
все равно, [я, —
всего себя вытряс,
один достоин
новых дней приять причастие.

Вытеку срубленный,
И никто не будет, —
некому будет человека мучить.
Люди родятся,
настоящие люди,
Бога самого милосердней и лучше.

ЧАСТЬ V.

А может быть
больше
у времени хамелеона
и красок никаких не осталось.
Дернется еще
и ляжет,
бездыхан и угловат.
Может быть,
дымами и боями охмеленная,
никогда не подымется земли голова.

Может быть...
Нет
не может быть!
Когда нибудь да выстеклится мыслей омут
когда нибудь ад увидит, как хлещет из тел ала́.
Над вздыбленными волосами руки заломит,
выстонет;
«Господи:
что я сделала».
Нет,

не может быть!
Грудь,
срази отчаянья лавину.
В грядущем счастье вырыщи ощупь.
Вот,
хотите,
из правого глаза
выну
целую цветущую рощу?!
Птиц причудливых мысли роите.
Голова,
закинься восторженна и горда.
Мозг мой,
веселый и умный строитель,
строй города!

Ко всем,
кто зубы еще
злобой выщемил,
иду
в сияющих глаз заре.
Земля,
встань
тыщами
в ризы зарев разодетых Лазарей!

И радость,
радость! —
сквозь дымы,

светлые лица я
вижу.
Вот,
приоткрыв помертвевшее око,
первая
приподымается Галиция.
В травы вкуталась ободранным боком.

Кинув ноши пушек,
выпрямились горбатые,
кровавленными сединами в небо канув,
Альпы,
Балканы,
Кавказ,
Карпаты.

А над ними
выше еще,
двое великанов.
Встал золототелый,
молит:
«ближе!
к тебе с изрытого взрывами дна я».
Это Рейн
размокшими губами лижет
иссеченную миноносцами голову Дуная.

До колоний, бежавших за стены Китая,
до песков, в которых потеряна Персия,

каждый город
ревевший,
смерть кидая, —
теперь сиял.

Шопот.
Вся земля
черные губы разжала.
Громче.
Урагана ревом
вскипает,
«Клянитесь,
больше никого не скосите!»
Это встают из могильных курганов,
мясом обрастают хороненные кости.

Было-ль,
чтоб срезанные ноги
искали б
хозяев;
оборванные головы звали по имени?!
Вот
на череп обрубку
вспрыгнул скальп
ноги подбежали,
живые под ним они.

С днищ океанов и морей,
на реях,
оживших утопших выплыли залежи.

Солнце!
в ладонях твоих изогрей их,
лучей языками глаза лижи!
В старушье лицо твое
смеемся
время!
Здоровые и целые вернемся в семьи!
Тогда
над русскими,
над болгарами,
над немцами,
над евреями,
над всеми:
по тверди небес,
от зарев злой
ряд к ряду,
семь тысяч цветов засияло,
из тысячи разных радуг.

По обрывкам народов,
по банде рассеянной,
эхом раскатилось
растерянное
«А-ах!»
День раскрылся такой,
что сказки Андерсена
щенками ползали у него в ногах.

Теперь не верится,
что мог итти

в сумерках уличек темный шаря.
Сегодня
у капельной девочки
на ногте мизинца
солнца больше,
чем раньше на всем земном шаре.

Большими глазами землю обводит
человек.
Растет,
главою гор достиг.
Мальчик
в новом костюме,
—в свободе своей—
важен,
даже смешон от гордости.

Как священники,
чтоб помнили об искупительной драме,
выходят с причастием,
каждая страна
пришла к человеку со своими дарами

«На!».

«Безмерной Америки силу несу тебе,
мощь машин!»

«Неаполя теплые ночи дарю,
Италия,

палимый
пальм веерами маши».

«В холоде севера мерзнущий,
Африки солнце тебе!»

«Африки солнцем сожженный,
тебе
со своими снегами,
с гор спустился Тибет!»

«Франция,
первая женщина мира
губ принесла алость».

«Юношей Греция,
лучшие телом нагим они».

«Чьих голосов мощь
в песни звончее сплеталась!?
Россия,
сердце свое
раскрыла в пламенном гимне!»

«Люди,
веками граненную
Германия
мысль принесла».

«Вся
до недр напоенная золотом
Индия
дары принесла вам!»

«Славься, человек,
во веки веков живи и славься,
всякому
живущему на земле
слава,
слава,
слава!»

Захлебнешься!
А тут и я еще.
Прохожу, осторожно,
огромен,
неуклюж.
О, как великолепен я
в самой сияющей
из моих бесчисленных душ.

Мимо поздравляющих,
праздничных мимо я
—проклятое,
да не колотись ты—
вот она
навстречу.

«Здравствуй, любимая!»

Каждый волос выласкиваю,
вьющийся,
золотистый.
О, какие ветры,
какого юга
свершили чудо сердцем погребенным?
Расцветают глаза твои,
два луга!
Я кувыркаюсь в них,
веселый ребенок.

А кругом:
Смеяться.
Флаги.
Стоцветное.
Мимо.
Вздыбились.
Тысячи.
Насквозь.
Бегом.
В каждом юноше порох Маринетти,
в каждом старце мудрость Гюго.

Губ не хватит улыбке столицей.
Все
из квартир
на площади
вон!
Серебряными мечами

от столицы к столице
раскинем веселие,
смех,
звон!

Не поймешь
это воздух,
цветок ли,
птица ль!
И поет,
и благоухает,
и пестрое сразу, —
но от этого
костром разгораются лица,
и сладчайшим вином пьянеет разум.
И не только люди
радость личью
расцветили,
звери франтовато завили руно,
вчера бушевавшие
моря,
мурлыча
легли у ног.

Не поверишь,
что плыли
смерть изрыгав они.
В трюмах
навек забывших о порохе

броненосцы
провозят в тихие гавани
всякого вздора яркие ворохи.

Кому же страшны пушек шайки
эти,
кроткие,
рвут?
Они
перед домом,
на лужайке,
мирно щиплют траву.

Смотрите,
не шутка,
не смех сатиры
средь бела дня,
тихо,
попарно,
цари задиры
гуляют под присмотром нянь.

Земля
откуда любовь такая нам?
Представь—
там
под деревом
видели
с Каином
играющего в шашки Христа.

Не видишь,
прищурилась, ищешь?
Глазенки щелки две.
Шире!
Смотри,
мои глазища
всем открытая собора дверь.

Люди
любимые,
нелюбимые,
знакомые,
незнакомые
широким шествием излейтесь в двери те.
И он
свободный,
ору о ком я,
человек.
придет он,
верьте мне,
верьте!

МИСТЕРИЯ БУФФ

героическое эпическое и сатирическое
изображение нашей эпохи.

ДЕЙСТВУЮТ.

1) Семь пар чистых.

(Абиссинский негус, индийский раджа, турецкий паша, русский купчина, китаец, упитанный перс, толстый француз, австралиец с женой, поп, офицер немец, офицер итальянец, американец, студент).

2) Семь пар нечистых.

(Трубочист, фонарщик, шоффер, швея, рудокоп, плотник, батрак, слуга, сапожник, кузнец, булочник, прачка и эскимосы: рыбак и охотник).

3) Дама истерика.

4) Черти.

(Штаб Вельзевула и два вестовых).

5) Святые.

(Златоуст, Лев Толстой, Мафусаил, Жан-Жак Руссо и др.).

6) Вещи.

(Машина, хлеб, соль, пила, игла, молот, книга и др.).

7) Человек просто.

МЕСТА ДЕЙСТВИЙ.

1) Вся вселенная.
2) Ковчег.
3) 1 картина: Ад.
   2 „ Рай.
   3 „ Земля обетованная.

ПРОЛОГ

семи нечистых пар.

Это об нас взывала земля голосом пушечного
рева.
Это нами взбухали поля кровями опоены.
Стоим,
исторгнутые земного чрева
кесаревым сечением войны.
Славим
восстаний
бунтов
революций день—
тебя
идущий черепа можжа.
Нашего второго рождения день—
мир возмужал.
Бывает—
станет пароход вдалеке
надымит
и уйдет по зеркальности водней.
И долго дымными дышишь легендами—

так жизнь ускользала от нас до сегодня.
Нам написали Евангелие
Коран
Потерянный и возвращенный рай
и еще
и еще
многое множество книжек—
каждая радость загробную сулит умна и хитра.
Здесь
на земле хотим
не выше жить
и не ниже
всех этих елей домов дорог лошадей и трав.
Нам надоели небесные сласти—
хлебище дайте жрать ржаной!
Нам надоели бумажные страсти—
дайте жить с живой женой!
Там—
в гардеробах театров
блестки оперных этуалей
да плащ мефистофельский—
все что есть там!—
старый портной не для наших старался талий.
Что-ж
неуклюжая пусть
одежа—
да наша.
Нам место!
Сегодня

над пылью театров
наш загорится девиз—
«все заново!»
Стой и дивись—
занавес!

Расходятся. Раздирают занавес замалеванный реликвиями старого театра.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ.

На зареве северного сияния шар земной упирающийся полюсом в лед пола. По всему шару лестницами перекрещиваются канаты широт и долгот. Меж двух моржей подпирающих мир эскимос-охотник уткнувшийся пальцем в землю. Орет другому растянувшемуся перед ним у костра).

Эскимос-охотн.

Эие!
Эие!

Рыбак.

Горланит.
Дела другого нет
пальцем землю тыркать.

Охотник.

Дырка!

Рыбак.

Где дырка?

Охотник.

Течет!

Рыбак.

Что течет?

Охотник.

Земля!

Рыбак *(вскакивая подбегая и засматривая под зажимающий палец).*

О-о-о-о!
Дело нечистых рук
Чорт!
Пойду предупрежу Полярный Круг.

Бежит. На него из-за склона мира наскакивает выжимающий рукава француз. Секунду ищет пуговицу и не найдя ухватывает шерсть шубы.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ.

Француз.

Мосье эскимос!
Мосье эскимос!
Страшно спешно.
Пара минут...

Рыбак.

Ну?

Француз.

Так вот:
сегодня
у себя в Париже
сижу я это
ев филе,
не помню другое чтой-то ев-ли,
и вижу —
неладно верзиле Эйфеля —
думаю — не бошей блеф ли?
Вдруг гул.
На крышу бегу.
Виясь вкруг домовьего остова
безводный прибой
суетне вперебой
бежал
кварталы захлестывал.
Париж — тревожного моря бред.
Невидимых волн басовые ноты.
И за
и над
и под
и пред
домов дредноуты.
И прежде чем мыслью раскинуть мог
от немцев ли или от...

Рыбак.

Скорей!

Француз.

Я весь
до ниточки взмок.
Смотрю —
все сухо
но льется и льется и льет.
И вдруг
крушенья Помпеи помпезней картина разверз-
лась —
с корнем
Париж был вырван
и вытоплен в бездне
у мира в расплавленном горне.
Я очнулся на гребне текущих сел
я весь свой собрал яхт-клубский опыт
и вот
перед вами
милейший
все
что осталось теперь от Европы.

Рыбак.

н-немного

Француз.

Успокоится конечно —
дня-с на два-с!

Рыбак.

Да говори ты без этих европейских юлений!
Чего тебе надо? Тут не до вас.

Француз (*показывая горизонтально*).

Разрешите мне около ваших многоуважаемых тюленей!

Рыбак.

(Досадливо машет рукой костру, идет в другую сторону—предупреждать круг—и натыкается на выбегающих из-за другого склона взмокших австралийцев).

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ.

Рыбак (*отступая в удивлении*).

А еще омерзительней не было лиц?!

Австралиец с женой *(вместе)*.

Мы австралийцы.

Австралиец.

Я австралиец.
Все у нас было.
Как то-с:
утконос пальма дикообраз кактус...

Австралийка *(плача в нахлынувшем чувстве).*

И все утонуло...
все на дне...

Рыбак *(указывая на разлегшегося француза).*

Вот идите к ним!
А то они одне.

Собравшийся вновь итти эскимос остановился прислушиваясь к двум голосам с двух сторон земного шара.

Первый голос.

Шляпа у-ту!

Второй голос.

Каска у-ту!

Первый голос.

Крепчает.
Держитесь за северную широту!

Второй голос.

Яреет!
Хватайтесь за южную долготу!

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

По канатам широт и долгот скатываются с земного шара немецкий и итальянский офицеры дружески бросаются друг к другу.

Оба вместе.

Паазвольте пожать!

узнав врагов отдергивают протянутые руки и выхватывая на ходу сабли бросаются.

Итальянец.

Еслиб я бы знал —
проклятый шваб!

Немец.

Проклятый итальянец —
еслиб знал да я-б!

Итальянец.

Эвива Италия!

Немец.

Гох фатерлянд!

Француз бросается меж вцепившимися, австралиец обхватывает итальянца, австралийка немца.

Француз.

Бросьте вы —
утопли —
нет фетерлядов.

Оба *(вкладывая сабли).*

Ну
нет так и не надо.

Рыбак *(качая головой).*

Вот банда!

Прямо на голову вновь собравшемуся эскимосу низвергается наш купчина.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ.

Купец.

Почтенные
это безобразие
да рази я Азия?
«Уничтожить Азию» — постановление совнеба, —
да я же-ж ни в жисть азиатом не был.

Успокоившись немного.

Сначало накрапывало
потом пошло
дальше больше
больше выше

хлынуло в улицы
рвануло крыши...

Все.

Тише!
Тише!

Француз.

Слышите?
слышите топот?

(множество приближающихся голосов)

потоп! потопом! пóтопу! о потопе! потопа!

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ.

Впереди негус, за ним китаец, перс, турок, раджа, поп, студент, дама истерика. Шествие замыкают вливающиеся со всех сторон все семь пар нечистых.

Негус.

Хоть чуть чернее снегу-с
но тем не менее
я абисинский негус
Мое почтение!
Я покинул сейчас мою Африку.
Извивалась в ней Нил удав река.
Как взъярился Нил царство сжав в реку!
И потопла в нем моя Африка.

Хоть нет имения
но тем не менее...

Рыбак *(досадливо)*.

—но тем не менее
мое почтение—
Слыхали! Слыхали!

Негус.

Прошу не забываться,—
с вами говорит негус
и негус хочет кушать.
Что это?
Должно быть вкусная собачка!

Рыбак.

Я те дам собачка!
Это морж а не собачка.
Иди садись да никого не запачкай

обращаясь к остальным

А вам чего?

Китаец.

Ничего!
Ничего!
Утоп мой Китай.

Перс.

Персия
моя Персия пошла на дно.

Раджа.

Даже Индия
поднебесная Индия и та...

Паша.

И от Турции осталось воспоминание одно!

Голоса прибывших раньше.

Тише!
Тише!
Что это за гул!

Дама истерика *(ломая руки отделяется от толпы).*

Послушайте
я не могу!
Не могу я среди звериных рыл.
Отпустите меня
к любви
к игре.
Кто эти перила?
эти тени перил
стоящие берегами кровавых рек?
Послушайте

я не могу!
Даже как любить я забыла уже.
Отпустите.
Не надо.
Мимо я.
Я хочу детей
я хочу мужей
не могу я жить нелюбимая.
Послушайте
я не могу!

Француз *(успокаивая).*

Да не трите глаз...
не кусайте губ.

продвигающимся к костру нечистым заносчиво

А вы которых наций?

Нечистые *(вместе).*

По свету всему гоняться
привык наш бродячий народина.
Мы никаких ни наций.
Труд наш наша родина.

Француз.

Старые арии!

испуганные голоса чистых

Это пролетарии!
пролетарии...
пролетарии...

Кузнец *(французу похлопывая его по изрядному животу).*

Шум потопа небось в ушах то?

Прачка *(ему же насмешливо и визгливо).*

Лег бы сейчас и уснул на кровати?
Пустить бы тебя в окопы да в шахты.

Проходящий рудокоп *(самодовольно).*

Да—
мы ничего—
видали мокроватей.

Нечистые проходят разделяя брезгливо жмущуюся толпу чистых, рассаживаются у костра. Толпа чистых смыкается за ними вкруг. Паша вылазит в середину.

Правоверные!
Надо обсудить что же произошло?
Давайте вникнем в суть явления.

Купец.

Дело простое—
светопредставление.

Поп.

А по моему потоп.

Француз.

И вовсе не потоп.
А то-б
дождик был.

Раджа.

Да
не было дождика.

Итальянец.

Значит и эта идея тоже дика...

Паша.

Но все-таки—
что-ж это правоверные произошло?
давайте правоверные посмотрим в корень.

Купец.

Народ по моему стал непокорен.

Немец.

Думаю война я.

Студент.

Нет!
по моему причина иная.
По моему метафизическое...

Купец *(недовольно).*

Война—метафизическое
Начали с Адама!

Голоса.

По очереди!
По очереди!
Не устраивайте содома!

Паша.

Тс!
Давайте говорить постепенно.
Ваше слово студент.

Оправдывается перед толпой

А то у него даже на губах пена.

Студент.

Сначала
все было просто:
день сменила ночь.
И только
заря чересчур разнебесилась ало.

Потом—
законы
понятия
веры
гранитные кучи столиц
и самого солнца недвижная рижина
все стало как будто немного текуче
ползуче немного
немного разжижено.
Потом как прольется!
Улицы льются.
Растопленный дом низвергается на дом.
Весь мир
в доменных печах революций расплавленный
льется сплошным водопадом...

Голос китайца.

Господа внимание!—
сюда моросят.

Жена австралийца.

Хорошенькое моросят!
Измочило как поросят.

Перс.

Может конец мира близок.
А мы
митингуем орем и ржем.

Итальянец (*жмется к полюсу*).

Становитесь сюда!
Теснее!
Здесь не закапает.

Купец

наддавая коленкой зажимающего дыру—с присущим этому народу терпением—эскимоса

Эй ты
пошел к моржам!

Охотник

(эскимос отлетает и из открытой дыры забила в присутствующих струя. Веером рассыпались чистые нечленораздельно оря.

И И И И И!
У У У У У!
А А А А-А!

(через минуту все бросаются к струе)

Забить!
Заткнуть!
Зажать!

Отхлынули. Только австралиец остался у Земного шара с пальцем в дыре. В общем переполохе взгромоздился на пару поленьев поп).

Поп.

Братие!
лишаемся последнего вершка.
Последний дюйм заливает водой

Голоса нечистых *(тихо)*.

Кто это?
Кто этот шкаф с бородой?

Поп.

Сие на сорок ночей и на сорок ден...

Купец.

Правильно—
господь надоумил умно его!

Студент.

В истории был подобный процедент—
вспомните знаменитое приключение Ноево.

Купец *(водворяясь на место попа)*.

Это глупости
и история и прецедент и воопче...

Голоса.

Ближе к делу!

Купец.

Давайте братцы построим копчег!

Жена австралийца.

Правильно ковчег.

Студент.

Вот охота!
пароход построим.

Раджа.

Два парохода.

Купец.

Правильно
весь капитал вложу.
Те спаслись а мы умнее тех никак.

Общий гул.

Да здравствует
да здравствует техника!

Купец.

Подымите руки—
кто—за.

Общий гул.

И рук не надо.
Видно за глаза.

и чистые и нечистые подымают руки (француз занявший место купца со злобой осматривает кузнеца поднявшего руку).

И ты туда же?
да и не тщись ты!
Господа—
давайте не возьмем нечистых
Будут знать как нас ругать.

Голос плотника.

А ты умеещь пилить и строгать?

Француз *(поникая)*.

Я передумал
возьмем нечистых.

Купец.

Только отберем непьющих и плечистых

Немец *(влезая на место француза)*.

Т-сс господа
может быть еще и не придется мириться с нечистыми.
К счастью
мы не знаем что с пятой частью света,—
галдите и даже не побеспокоились узнать
есть меж нами американцы ли?

Купец (*радостно*).

Ну и голова!
Не человек а германский канцлер.

радость прорезает крик австралийки

Что это?

прямо из зала к напряженно вглядывающимся врывается американец

Милостивые государи!
Где здесь строят ковчег?
Вот

протягивает бумагу

от утопшей Америки
на двести миллиардов чек.

Молчаливое уныние. И вдруг вопль зажимающего воду австралийца

Чего разглазелись? Будет пялиться
Ей богу выну!
Коченеют пальцы...

Чистые засуетились. Заискивающе трутся к нечистым

Француз (*кузнецу*).

Ну чтож товарищи
построим
а?

Незлобивый кузнец.

А мне што!
По мне хоть...

машет рукой нечистым

Айда товарищи!
Ехать! так ехать!

нечистые подымаются. Пилы, рубанки, молотки.

ЗАНАВЕС.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ.

Палуба ковчега. По всем направлениям панорама рушащихся в волны земель. В низкие облака упирается запутанная веревками лестниц мачта. В стороне рубка и вход в трюм. Чистые и нечистые выстроились по близкому борту.

Батрак.

Н-да!
Не хотел бы я нынче за борт.

Швея.

Глянь ка туда!
Не волна а забор.

Купец.

Зря это я с вами спутался.
Всегда вот так—
без толка.
Мореплаватели тоже!
Нашли морского волка.

Фонарщик.

Ишь поднесла.
Гудит и. стенает.

Швея.

Какой там забор —
закрыло стеною.

Француз.

Да-с.
Очень глупо-с.
Говорю вам с прискорбием и болью-с.
Сидели бы —
земля еще держится —
какой ни на есть а все-таки полюс.

Батрак.

Что волки твои
волнищами ляскают.

Оба Эскимоса, шоффер и Австралийцы - *(сразу)*.

Глядите!—
что это?
что с Аляскою?

Негус.

Ну и метнулась, —
что камень пращей.

Немец.

Ухнулась!

Эскимос охотник.

Нет ее?

Второй рыбак.

Нет.

Все.

Прощай! Прощай! Прощай!

Француз (*расплакался придавленный воспоминаниями*).

Боже мой...
Боже мой...
Бывало
всей семьей
соберемся у чайнаго столика—
плюшки
икорка...

Булочник (*отмеряя кончик ногтя*).

Чудно ей богу,—
ну не жаль вот
нистолько.

Сапожник.

Я водченки припас —
найдется рюмка?

Слуга.

Найдется.

Рудокоп.

Ребята
идемте в трюм-ка!

Эскимос охотник.

Ну ка морженок?
не очень поджарый ли?

Слуга.

Ничего не поджарый
славно поджарили.

Чистые одни. Нечистые спускаются в трюм подпевая.

Что терять нам! Испугаться нам потопа ли?
Разустали ножки — по свету потопали.
Эх и отдых в пароходах!
Эх!
И морженка съесть и водочки хлебнуть не грех.
Эх не грех!

Чистые окружили расхныкавшегося француза.

Перс.

Стыдно право —
бросьте орать-то.

Купец.

Перебьемся как-нибудь
доползем до Арарата.

Негус.

С голоду подохнешь пока гора то.

Прислушивается к шуму в трюме.

Поп.

Ишь ржут.

Студент

Чего им!
наловили рыбы и жрут.

Поп.

Возьмем сеть или острогу и тоже давайте ловить.

Немец.

О-с-т-р-о-г-у?
а как обращаться ею?
я только шпагой в человеке ковырять умею.

Купец.

Я кинул сеть
думал рыбину выну
умаялся
и ничего —
одну травину.

Паша (*сокрушенно*).

До чего доросли:
первой гильдии и жрут водоросли.

Итальянец (*многозначительно подымает палец*).

Эврика!

к немцу

Послушайте!
чего это мы так тогда?
что это нас так задело?
у нас теперь общий враг

указывает на трюм. Берет под руку и отводит на ходу говоря —

у меня к вам вот что за дело...

пошептавшись возвращаются.

Немец (*держит речь*).

Господа!
Мы все такие чистые.

Нам проливать за работой пот-ли?
Давайте заставим нечистых чтоб они на нас работали.

Студент.

Я б их заставил!
да куда мне —
чахл!
а из них любой косая в плечах.

Итальянец.

Боже сохрани драться
не драться —
а пока выжирают меню
пока восседают
пия и оря
возьмем и подложим им свинью...

Немец.

Выберем им царя!

Все (*удивленно*).

Зачем царя?

Немец.

А затем что царь издаст манифест
— все кушанья мне мол должны быть отданы —

царь ест
и мы едим
его верноподданные.

Все.

Здорово!

Паша.

Ловко!

Купец (*радостно*).

Я же говорил вам —
Бисмарочья головка.

Австралийцы.

Выбираем скорей!

Несколько голосов.

Но кого?
кого же?

Итальянец и француз.

Негуса.

Поп.

Правильно!
ему и в руки вожжи.

Купец.

Какие вожжи?

Немец.

Ну как их там...
бразды правления что ли...
чего придираетесь?
смысл один.

Негусу

Взлазьте господин!

Французу, паше и студенту

Вы строчите манифест
— с божьей мол милости —
а мы сюда
чтоб не успели вылезти.

Паша и пр. строчат манифест. Немец с итальянцем разматывают перед выходом из трюма канат. Пошатываясь вылазят нечистые. Когда последний выполз на палубу, итальянец и немец меняются местами и нечистые опутаны.

ВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ.

Немец (*сапожнику*).

Эй!
ты!
ступай под присягу.

Сапожник *(плохо разбираясь в событиях).*

Можно я лучше прилягу?

Итальянец.

Я тебе прилягу —
не встанешь сто лет.
Господин поручик —
наводите пистолет!

Француз.

Ага —
протрезвели! —
вот так оно проще.

Некоторые нечистые *(грустно.)*

Попались братцы.
Как куры во щи.

Австралиец.

Шапки долой!
У кого там шапка?

Китаец и раджа *(подталкивают попа стоящего под рубкой возглавляемой негусом).*

Читай же!
читай стоят не дыша пока!

Поп *(по бумаге)*.

Божьей милостью
мы
царь изжаренных нечистыми кур
и великий князь на оных же яйца,
не сдирая ни с кого семь шкур
— шесть сдираем седьмая оставляется, —
объявляем нашим верноподданным:
волоките все
рыбу хлеб овощь свинят
и чего найдется съестного прочего.
Правительствующий сенат
не замедлит
разобраться в грудах добра
отобрать и нас попотчивать.

Импровизированный сенат из паши и раджи

Слушаемся ваше величество!

Паша *(распоряжается)*.

австралийцу

Вы в каюты!

австралийке

Вы в кладовые!

общее

Чтоб нечистый ничего дорогой не выел!

купцу (обматывая для него булочника)

Вы вот с ним спускаетесь в трюм.
Я с раджею на палубе все просмотрю.

общее

Притащите сюда и возвращайтесь снова.

радостный гул чистых

Навалим целую гору съестного!

Поп (*потирая руки*).

А после братски поделимся добычею
по христианскому обычаю.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ.

Конвоируемые офицерами нечистые понуро спускаются в трюм, за ними чистые кроме сената обшаривающего палубу. Первым возвращается австралиец. На огромном блюде морженок. Складывает перед негусом и обратно в трюм.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ.

Китаец с австралийкой (*конвоируя булочника*).

Этот бьет челом куличем.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Возвращаются, за ними

Студент с плотником.

Сельдь у него.
Объедена на половину.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ.

Купец (*с шоффером*).

Вот этот в хранений колбасы уличен.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ.

Поп (*со швеей и прачкой*).

Сахар.
Чуть не изо рта у них вынул.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ, ВОСЬМОЕ и ДЕВЯТОЕ.

Француз возвращается, как и все. Перс деловито приносит бутыль — и обратно. Сенат притащил связку баранок и юркнул в трюм. Минуту на сцене один негус сосредоточенно уплетающий принесенное. Затем усталые вылезают чистые и завалив люк направляются к трону хвастаясь.

Француз.

Я ростбиф нашел —
и целый кус!

Китаец.

Занятно знать каков он на вкус.

Австралиец.

Морженок попался
румян, сочен.

Раджа.

Проголодались?

Француз.

Еще бы!

попу

Вы тоже?

Поп.

Очень!

Взбираются к негусу. Перед негусом пустое блюдо. В один грозный голос:

Что здесь?
Гуляла Мамаева рать?!

Поп *(в исступлении).*

Один ведь
один
и чтоб столько сожрать!

Паша.

Взял бы да и грохнул по сытой роже.

Негус.

Молчать!
Я помазанник божий.

Немец.

Помазанник.
Помазанник.
Лег бы как мы...

Итальянец.

На голодный желудок.

Поп.

Иуда!

Раджа.

Тьфу!
не об этаком думал дне я.

Купец.

Ляжем.
Утро вечера мудренее.

Укладываются. Ночь. По небу быстро проходит луна. Луна склоняется. Рассвет. В синем утре приподымается фигура итальянца, с другой стороны приподнимается немец.

Итальянец.

Вы спите?

Немец (*отрицательно качает головой*).

Итальянец.

Проснулись в эту порищу?

Немец.

Уснешь тут.
В животе такой разговорище.
Ну поговори, поговори еще!

Купец (*вмешиваясь*).

Все котлеты снятся.

Поп (*издали*).

А что-ж еще могло сниться!
негусу
Ишь проклятый так и лоснится.

Австралиец.

Холодно.
Да и ночь мокра-то.

Француз (*после короткой паузы*).

Господа
— знаете что —
я чувствую что я становлюсь демократом.

Немец.

Вот новость!
Я всегда народ любил без памяти.

Перс (*ехидно*).

А кто предлагал его величеству к стопам итти?

Итальянец.

Бросьте ваши ядовитые стрелы.
Самодержавие как форма правления несомненно
устарело.

Купец.

Устареет если ни росинки не попало в рот.

Немец.

Сериозно! Сериозно!
Назревает переворот
Довольно распрь
покончим с бранью!

в один голос

Ура!
ура учредительному собранию!

отваливают люк

Ура! У-р-а!

друг другу

наяривайте!
жмите!

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ.

Из люка лезут разбуженные нечистые.

Сапожник.

Что это перепились?

Кузнец.

Авария?

Купец.

Граждане пожалте на митинг!

булочнику

Гражданин вы за республику?

Нечистые (*хором*).

Митинг? Республику? — Какую такую?

Француз.

Стойте!
Сейчас интеллигенция растолкует.

студенту

Эй вы интеллигенция!

„интеллигенция“ и француз влазят на рубку

Француз.

Объявляю собрание открытым.

студенту

Ваше слово.

Студент.

Граждане!
У этого царищи невозможный рот!

Голоса.

Правильно!
Правильно гражданин оратор!

Студент.

Все проклятый как есть сожрет!

Голос.

Правильно!

Студент.

И никто никогда не доползет до Арарата.

Голоса.

Правильно!
Правильно!

Студент.

Довольно!
Рвите цепи ржавые!

Общий гул.

Долой
долой самодержавие!

Купец *(негусу)*.

Попили кровушки
нагадили народу...

Француз *(негусу)*.

Эй ты—
алон занфан в воду!

Общими усилиями раскачивают негуса и швыряют за борт. Затем чистые берут под руки нечистых и расходятся напевая.

Итальянец *(фудокопу)*.

Товарищи!
вы даже не поверите,

я так безумно рад.
Нет теперь этих вековых преград.

Француз *(кузнецу)*.

Поздравляю вас.
Рухнули вековые устои.

Кузнец *(неопределенно)*.

М-да!

Француз.

Остальное устроится,
остальное пустое.

Поп *(швее)*.

Теперь мы—за вас вы—за нас.

Купец *(довольный)*.

Так-так! води за нос.

Француз *(на фубке)*.

Ну граждане довольно
погуляли всласть.
Давайте организуем демократическую власть.
Граждане
чтобы все это было скоро и быстро

мы вот—упокой господи душу негуса — мы вот
тридцать
будем министры и помощники министров
а вы — граждане демократической республики—
вы будете ловить моржей шить сапоги печь буб-
лики.
Возражений нет?
Принимаются доводы?

Батрак.

Ладно—
было бы недалеко до воды!

Хором.

Да здравствует! Да здравствует демократическая
республика!

Француз.

А теперь я

нечистым

вам предлагаю работать

чистым

а мы за перья.
Работайте
несите сюда
а мы это все поделим поровну—
последняя рубашка пополам будет порвана.

ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ И ДВЕНАДЦАТОЕ.

Чистые устанавливают стол, располагаются с бумагами и когда нечистые приносят съестное записывают во входящие и по уходе с аппетитом съедают. Булочник, пришедший во второй раз, пытается заглянуть под бумаги.

Чего глазеешь?
отойди от бумаг!
Это брат дело не твоего ума.

ЯВЛЕНИЕ ТРИНАДЦАТОЕ.

Кузнец и рыболов.

Давайте делиться обещанным.

Поп (*возмущенно.*)

Братие
рановато еще о пище нам.

Раджа (*отводя их от стола*).

Там акулу поймали
присмотритесь акуле—
не несет яиц, не приспособлена к молоку-ли.

Кузнец (*угрожая*).

Все равно раджа паша ли вы
как говорится у турок
«эй паша не пошаливай!»

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ.

Уходят и через минуту возвращаются вкупе с прочими нечистыми подходят к столу.

Кузнец.

Учат!
Сколько ни дои акул—
не быть из акулы молоку.

Сапожник *(пишущим)*.

Пора обедать!
скорей кончай-ка!

Итальянец.

Обратите внимание
—как это красиво—
волны и чайка.

Батрак.

Поговорим-ка лучше о щах и о чае.

Все.

К делу!
К делу!
Нам не до чаек.

Напирая опрокидывают стол, на палубу грохаются пустые тарелки, швея и прачка грустно

Все совет министерский вылакал

Плотник (*вскакивая на опрокинутый стол*).

Товарищи—
это нож в спину!

Голоса.

И вилка!

Рудокоп.

Товарищи!
что-ж это?
раньше жрал один рот а теперь обжирают ротой?
республика-то оказалось тот же царь да только
сторотый.

Француз (*ковыряя в зубах*).

Чего кипятитесь?
Обещали и делим поровну—
одному бублик другому дырка от бублика—
это и есть демократическая республика.

Купец.

Надо же ж кому-нибудь и семячки—не всем арбуз

Нечистые.

Мы вам покажем классовую борьбу!

Немец.

Стойте граждане!
наша политика...

Нечистые.

А ну
с четырех концов подпалите-ка,—
покажем им какая такая политика.

Вооружаются сложенным чистыми во время обеда оружием, загоняют на корму, мелькают пятки сбрасываемых чистых.
Только купец забился в угольный ящик.

Мадам истерика

все время путающаяся под ногами заломила руки.

И опять и опять разрушается кров,—
и опять и опять смятенье и гул.
Довольно!
Довольно!
Не лейте кровь!
Послушайте я не могу!

Батрак.

Ишь проклятая!
Распустила слюнки—
революция вам мадам не юнкер.

Вежливо берет ее, дама вцепляется в руку

Ишь злюка!

Кузнец.

Вали ее ребята в дырку люка!

Трубочист.

Не задохлась бы тама—
все-таки дама.

Батрак.

Что мямлить?
Вернутся—нас же распнут на кресте.

Нечистые.

Правильно!
Правильно!
или мы или те.

Кузнец.

Товарищи!
сапогами отшвыривайте кликуш.
Эй народ чего не ликуешь?
Ликуй!

Но суровы голоса нечистых—последние запасы съела республика.

Булочник.

Ликуй.
А велико ли хлеба запасено?

Швея.

Ликуй! когда мысли только о хлебе.

Фонарщик.

Ликуй! если всюду одни только хляби.

Трубочист.

Ликуй! когда ни крошки не осталось на корме.

Несколько сразу.

Ликуй кричишь,—
ты нас накорми.
Мы голодны.
Мы устали.
Не пройдешь шагов и ста.

Батрак.

Голодны устали?
Разве бывает усталь у стали?

Прачка.

Мы не сталь.

Кузнец.

Так будемте сталь.
Не останавливаться на половине-ж

Съеденное в утопших!
Назад не вынешь.
Теперь об одном осталось ратовать
чтоб сила не изсякла до места Араратова.
Пусть нас бури бьют
пусть изжарит жара
голод? пусть!
—посмотрим в глаза его—
будем пену одну морскую жрать
мы за то здесь всего хозяева!

Хором.

Правильно!
Идем себя закалять!

Спускается та же ночь. Кузнец раздувает горн. Быстро бежит луна.

Кузнец.

Идите же!
Работы не было наваленней.
Никогда сильнее не требовалось починок.
Собственные груди ставьте на наковальни
—эй! Кто для почина?

Батрак.

Мне надо новые поставить подковы.

Плотник.

Руку подправьте—не очень узловата.

Рыбак.

Мне надо на грудь чего-нибудь такого..

Фонарщик.

Ноги подделайте а то—вата.

Подходят один за другим, работает кузнец. Стальные и выправленные идут от горна, рассаживаются по палубе Утро. Холодно и голод.

Шоффер.

Без еды все равно что машина без дров.

Рудокоп.

Даже я сдаю уж на что здоров.

Охотник.

Слабеет от голода за мускулом мускул.

Швея (*прислушиваясь*).

Слушайте!
что это?
Слышите музыку?

От нее отсаживаются смотрят испуганно. Некоторые пятятся в трюм, но не разумнее и голос плотника.

Плотник.

Антихрист речь повел нам
об Арарате и рае.

Испуганно вскакивает, пальцем за борт

Кто там
идет по волнам
в кости свои играет?

Трубочист.

Брось ты!
Море голо.
Да и кому являться?

Сапожник.

Вон он!
Идет!
Это голод
нами идет разговляться!

Батрак.

Чтож иди!
Нет здесь таких кто упал бы.
Товарищи враг у борта.
Живо!
Все на палубы!
Голод!
Сам идет на абордаж.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТНАДЦАТОЕ.

Выбегают шатаясь, вооруженные чем попало. Рассвело.

Все (*пауза*).

Чтож иди!
Никого:
И вот
снова будем смотреть бесплодное лоно вод.

Охотник.

Так вот молишь о тени в печах пустыни,—
умирая ж
видишь будто пустыня стынет—
мираж!

Шоффер.

Приходит в страшное волнение, поправляет очки, всматривается. Кузнецу

Там вот
на западе—
не заметишь ли точечки?

Кузнец.

Что глядеть,
все равно, что на хвост надеть или в ступе истолочь очки.

Шоффер.

Отбегает, шарит, лезет с трубой на рею и через минуту его рвущийся от радости голос:

Арарат! Арарат! Арарат!

Со всех концов.

О как я рада!
О как я рад!

вырывают у шоффера трубку, сгрудились

Плотник.

Где он где?

Кузнец.

Да вот виднеется
направо от.

Плотник.

Что это?
Приподнялось?
Выпрямилось?
Идет?

Шоффер.

То есть как идет?
Арарат гора и ходить не может.
Глаза протри.

Плотник.

Сам три.
Смотри!

Шоффер.

Да идет.
Человек какой то.
Да человек.
Старый с посохом.
Молодой без посоха.
Эк —
идет по воде что по-суху!

Швея.

Колокола гудите!
Вздыбливайте звон!
Бросайте работу!
Останавливайте заводы!
Это он!
Он
Он шел рассекая Генисаретские воды!

Кузнец.

У бога есть яблоки,
апельсины
вишни
может весны стлать семь раз на дню,
а к нам только задом оборачивался всевышний,—
теперь Христом залавливает в западню.

Батрак.

Не надо его,
не пустим проходимца.

Не для молитв у голодных рты.
Ни с места!
А то рука подымется.
Эй
кто ты?

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТНАДЦАТОЕ.

Самый обыкновенный человек восходит на замерзшую палубу.

Человек.

Кто я?
Я дровосек
дремучего леса
мыслей
извитых лианами книжников.
Душ человечьих искусный слесарь.
Каменотес сердец булыжников.
Я в воде не тону
не горю в огне—
бунта вечного дух непреклонный.
В ваши мускулы
я
себя одеть
пришел,—
готовьте тела колонны.
Сгрудьте верстаки, станки и горны.
Влезу на станки и на горны я.

Сбивают груду.

Эта ставка
последняя у мира в игорне.

Слушайте!
Новая проповедь нагорная.
Еще грома себя не изгрохали
горы бурь еще не отухали
о, горе тем, кто вцепились—рохли!—
земным ковчегам в плывущую рухлядь.
Араратов ждете?
Араратов нету.
Никаких.
Приснилось во сне.
А если
гора не идет к Магомету,
то и чорт с ней.
Не о рае Христовом ору я вам,
где постнички лижут чаи без сахару.
Я о настоящих земных небесах ору.
Судите сами, Христово небо ль
Евангелистов голодное небо ли—
В раю моем залы ломит мебель,
Услуг электрических покой фешенебелен.
Там сладкий труд не мозолит руки.
Работа розой цветет по ладони.
Там солнце такие строит трюки,
что каждый шаг в цветомории тонет.
Здесь век корпит огородника опыт—
Стеклянный настил навозная насыпь,—
а у меня
на корнях укропа
шесть раз в году росли ананасы б.

Все хором.

Мы все пойдем!
Чего нам терять!
Но пустят ли нашу грешную рать!?

Человек.

Мой рай для всех,
кроме нищих духом,
от постов великих вспухших с луну.
Легче верблюду пролезть сквозь иголье ухо,
чем ко мне такому слону.
Ко мне—
кто всадил спокойно нож
и пошел от вражьего тела с песнею!
Иди непростивший!
Ты первый вхож
в царствие мое небесное.
Иди любовьями всевозможными разметавшийся
прелюбодей,
У котораго по жилам бунта бес снует,—
тебе неустанный в твоей люботе
царствие мое небесное.
Идите все, кто не вьючный мул,
Всякий, кому нестерпимо и тесно —
знай!
ему—
царствие мое небесное.

Хором.

Не смеется ли этот над нищими?
Где они?
Дразнишь какими страницами?

Человек.

Длинна дорога.
Надо сквозь тучи нам.

Хор.

Каждую тучу сразим поштучно!

Человек.

А если ад взгромоздится за адом?

Хор.

Пойдем и туда—
Не попятимся задом.
Веди нас!
Где она?

Человек.

Где?
На пророков перестаньте пялить око—
взорвите все, что чтили и чтут.
И она обетованная окажется под боком—

вот тут!
Конец.
Слово за вами. Я нем.

Исчезает. На палубе недоуменье.

Сапожник

Где он?

Кузнец.

По моему он во мне.

Батрак.

Думаю, заблагорассудилось и в меня ему...

Несколько.

Кто он?
Кто этот дух невменяемый?
Кто он?
Без имени!
Кто он?
Без отечества!
Зачем он?
Какие кинул пророчества?
Кругом потопа смертельная ванная.
Пускай—
найдется обетованная!

Кузнец.

Зловещ пучин разверзшийся рот.

рукой на реи

Дорога одна—сквозь тучи вперед!

бросаются к мачте хором

сквозь небо вперед!

вкарабкиваются и уже на реях развертывается боевая песнь

Батрак.

Мы сами теперь громоногая проповедь.
Идемте силы в сражении пробовать!

Хор.

Идем
идем последние пробовать!

Сапожник.

Там всем победителям отдых за боем, —
пусть ноги устали их в небо обуем!

Хор.

Обуем,
кровавые в небо обуем!

Плотник.

Распахнута твердь,
небесам за ограду!
По солнечным трапам,
по лесницам радуг!

Хор.

По солнечным сходням,
качелями радуг!

Рыбак.

Довольно пророков,
мы все Назареи!
Скользите на мачты,
хватайтесь за реи!

Хор.

На мачты!
На мачты!
За реи!
За реи!

ЯВЛЕНИЕ СЕМНАДЦАТОЕ.

„За реи“ замирает в облаках. Когда скрывается последний, из угольного ящика, осматриваясь, пролазит купец, задирает голову, качает на мачту и посмеиваясь говорит:

Надо же-ж быть ослом!

обводит рукой ковчег

Добра на четыреста тысяч,—
минимум
даже если на слом.

но недолговечна купцова радость, задранная голова перетянула. купец кувыркается за борт.

ЗАНАВЕС.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ.

ПЕРВАЯ КАРТИНА.

Ад. В три яруса протянуты дымно-желтые тучи. На верхнем ярусе надпись „чистилище“, на среднем „ад“, на нижнем свесив ноги восседают два чорта.

Первый.

Два слова по поводу пищи:
трудно нам без попов в аду,
а из России как на грех—гонят попищей.

Второй (*вглядываясь вниз*).

Что это маячит там?

Первый.

Мачта.

Второй.

Зачем мачта? Какая мачта?

Первый.

Пароход какой то.
Да корабль.
Кают огни.
Жизнь не дорога!
Смотри по тучам тела карабкают,
сами лезут чорту на рога.

Второй.

Старик-то наш —
Обрадуется до-нельзя.
огрызается на первого.
Тише ты чорт, —
нельзя, чтоб без гула!
Беги, предупреди штаб
Вельзевула.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ.

Первый бежит. Над средним ярусом показывается

Вельзевул (*ладонь ко лбу, над ярусом приподымаются черти. Убедившись, орет*).

Эй вы
черти
волоките котелище!

Да дров побольше—
суше—
толще!
Прячься за тучи батальон сторогий!
Чтоб никто из тех не ушел с дороги.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ и ТРЕТЬЕ.

Черти притаились. Снизу доносится „на мачты, на мачты, за реи, за реи“. Вваливается толпа нечистых и моментально же вываливаются черти с вилами на перевес.

Черти.

У У У У У У У!
А А А А А А А!

Кузнец (*указывая крайних швее со смехом*).

Как тебе нравятся эти трое?
Ишь стараются!—
землю роют.

гвалт начал надоедать цыкнули нечистые

Т-с-с-с-с!

смолкли растерявшиеся черти

Нечистые.

Это ад?

(*нерешительно*).

Да!

Батрак (*на чистилище*).

Товарищи,
Не останавливаться —
Прямо туда!

Вельзевул.

Да — да!
Черти, вперед—
Не пускать в чистилище!

Батрак

Послушайте —
Это что за стиль еще?

Кузнец

Бросьте вы это.

Вельзевул (*обиженно*).

То-есть как бросить?!

Кузнец

Да так.
Стыдно.

Все-таки старый чорт,
у самого проседь.
Нашли ей-богу чем стращать,
на заводе
чугунноплавильном
не бывали чать?

Вельзевул (*сухо*).

Не был я на вашей плавильне.

Кузнец

То-то.
А то-б повылинял
шорсткой.
Живешь себе тут
щеголем
гладкий такой да жесткий.

Вельзевул.

Хорош гладкий,
хорош жесткий.
Довольно разговаривать, пожалте на костры!

Булочник.

Остри!
Нашел чем пугать.
Смешно, ей-богу.

Да у нас —
в Питере —
вам бы еще заплатили
за такую головню.
Холод.
А у вас благодать, —
сплошное ню.

Вельзевул.

Довольно шутить!
Трепещите за души.
Всех вас серой сейчас же задушим!

Кузнец (*сердясь*).

Хвастают тоже,
что у вас? —
Слегка попахивает серою,
у нас как спустят удушливым газом,
вся степь от шинелей становится серою,
дивизия разом валится на земь.

Вельзевул.

Побойтесь говорю вам раскаленных жаровень!
На вилах будете,
час не ровен.

Батрак (*выходя из себя*).

Да что ты кичишься какими-то вилами!
Твой глупый ад все равно, что мед нам.

Бывало
в атаке
три четверти выломит
в одно дуновенье огнем пулеметным.

Черти развесили уши. Вельзевул старается поддержать дисциплину.

Чего стоите?
Разинули рот!
Может он все это врет!?

Батрак (*зверея*).

Я вру?
Сидите тут
пещеры пещерите —
черти —
слушайте
я вам расскажу...

Черти.

Тише!

Батрак.

про нашу земную жуть.
Что ваш Вельзевул?
У нас—паук такой—
клещами тыщами
всю землю сжал в обескровленный пук,—
рельс паутиною выщемил.

У вас хоть праведников нет и детей —
рука, небось, не подымается мучить,
а у нас и те!
Нет, черти,
у вас здесь лучше.
Как какой-нибудь некультурный турок
грешника с размаха саданете на кол,
а у нас машины,
а у нас культура...

Голос (*из толпы чертей*).

Однако!

Батрак.

Человечину жрете?
Невкусное сырье!
Я б к Сиу вас свел, каб не было поздно
у нас в шоколад перегоняют ее.

Голос (*из чертей*).

Но?
Сериозно?

Батрак.

А негров видели дубленые кожи —
на переплеты чтоб мог итти?
В ухо гвоздь!
пожалуйста отчего же!
А шерсть свинячью хотите под ногти?

Посмотрели солдата в окопе вы бы
сравнить если с ним — ваш мученик сноб...

Черти.

Довольно—
шерсть подымается дыбом!
Довольно! довольно!
Такой озноб.

Батрак.

Думаете страшно?
Развели костерики,
развесили чанки.
Какие вы черти--
да вы щенки!
Ремни вас на фабриках растягивали по суставам?

Вельзевул (*сгущенно*).

Ну, вот,
в чужой монастырь со своим уставом.

Батрак.

Что,
только на робких пасти щерите?

Черти.

Ну, что вы ей-богу пристали, —
черти как черти.

Вельзевул идет к батраку заминать разговор.

Вельзевул.

Я б вас пригласил хлеб соль откушать
в гости,
да какое теперь угощение, —
кожа да кости.
Сами знаете, какие теперь люди?
Изжаришь, так его и не заметно на блюде
Нет этих мешочников в ризе.
Сами понимаете продовольственный кризис
Притащили на-днях рабочего
— из выгребных ям —
так не поверите — нечем потчевать.

Батрак (*брезгливо*).

Пошел к чертям!

к давно уже нетерпеливо ждущим рабочим

Айда, товарищи!

нечистые двинулись, к последнему прицепился чорт помоложе.

Счастливого пути,
устраивайтесь как нибудь по-новому,
без лишней святости,
а то какая там например троица? —
и мы к вам придем, когда все устроится.
Сидишь тут
не евши
дней по пяти,
а у чертей

известно
чертовский аппетит.

Нечистые двинулись ввысь. Ломаемые падают тучи. Тьма. Из тьмы и обломков опустевшей сцены вырисовывается следующая картина, а пока по аду гремит песня нечистых.

Кузнец.

Телами адовы двери пробейте!
Чистилище в клочья,
вперед,
не робейте!

Хор.

Чистилище вдребезги;
так,
не робейте!

Рудокоп.

Вперед,
от отдыха тело отучим!
По ярусам!
выше!
шагайте по тучам!

Хор.

Шагайте по ярусам!
выше!
по тучам!

Конец первой картины.

ВТОРАЯ КАРТИНА.

Рай. Облако на облаке. Белесо. По самой середине, чинно рассевшись по облачью, райские жители. Мафусаил ораторствует.

Мафусаил.

Святейшие!
Идите в светлейшее мощи отправить
почище начистьте дни-ка.
Глаголит Гавриил —
грядет
больше чем дюжина праведников.
Святейшие!—
примите их в свою среду;
что мышью голод играет ими
им гадит ад,
но они бредут...

Райские (*степенно*).

Сразу видно достойнейшие люди.
Примем.
Обязательно примем.

Маф.

Надо стол накрыть,
выйти вместе.
Торжественнейшую встречу устроить надо нам.

Рай.

Вы здесь старейший и будьте церемонимейстер.

Маф.

Да я не умею...

Все.

Ладно, ладно.

Мафусаил кланяется, идет распоряжаться столом. Выстраивает святых.

Маф.

Вот сюда Златоуст—
готовь приветственный тост
—Мы мол вас приветствуем, а такожде и Христос—
сам знаешь, тебе и книги в руки.
Вот сюда Толстой—
у тебя вид хороший, — декоративный,
стал и стой.
Сюда Жан-Жак.
Так и развертывайтесь амфиладою,
а я пойду стол присмотреть,—
доишь облака, сын мой?—

Ангел.

Да, дою.

Маф.

Надоишь и на стол.
Нарежьте даже
облачко одно,
каждому по ломтику.
Для отцов святейших главное не еда же,
а речи душеспасительные, которые за столом
текут.

Святые.

Ну что,
не видно пока?
Что-то край у облака подозрительно дут.
Идут. Идут. Идут. Идут.
Неужели это они?
В рай, а будто трубочисты грязные.
Вымоем.
М-да святые-то оказывается разные.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ.

Снизу доносится.

Орите в ружья!
в пушки басите!
мы сами себе и Христос и спаситель!
Мы сами Христос!
Мы сами спаситель!

вваливаются — пробивая облако пола — нечистые

Хором.

Ух и бородастые!
Штук под триста.

Маф.

Пожалте, пожалте
тихая пристань!

Ангельский голос.

Понапустили народу шалого.

Ангелы.

Драсьте, драсьте.
Добро пожаловать!

Маф.

А ну-ка, Златоуст, займись-ка тостом!

Нечистые.

Какие там тосты!
Мы устали,
как собаки голодны!

Маф.

Терпение братие
сейчас
сейчас накормим досыта

Мафусаил ведет нечистых к месту, где на облачном столе облачное молоко и облачный хлеб.

Плотник.

Нашагался —
Нельзя ли какой нибудь стул?

Маф.

Нет-с,
в раю нет.

Плотник.

Чудотворца-б пожалели
стоит вон сутул.

Рудокоп.

Не ругайся —
главное подкрепление сил

набрасываются на ковши и краюхи, сначала удивляются, потом негодуя откидывают бутафорию.

Маф.

Вкусили?

Кузнец (*грозно*).

Вкусил, вкусил.
А нет чего посущественней?

Маф.

Не купать же бестелых существ в вине?!

Нечистые.

Ждем вас проклятых,
смиренно умираем мы.
Кабы люди знали что это впереди!
У нас у самих
такими раями
хоть пруд пруди.

Маф, указывая на святого, которому орал кузнец.

Не орите, неудобно.
Ангельский чин

Рыбак.

Поговорили бы лучше с чином
не сварит ли чин ваш щи нам.

Голоса нечистых

Не так мы себе это представляли.

Охотник.

Нора!
Сущая нора.

Шоффер.

И не похоже на рай.

Сапожник.

Так голубчики -
дорвались до рая.

Слуга.

Ну доложу вам дыра я.

Батрак.

Что ж вы так вот и сидите?

Один из ангелов.

Зачем?
Случается и на землю –
к праведному брату или сестре пойти —
и возвращаемся елей свой излив там.

Слуга.

Так вот перышки по тучам и трепите!?
Чудаки!
Обзавелись бы лифтом.

Второй ангел.

А мы метки на облаках вышиваем.
Х и В.
Христовы инициалы.

Слуга.

Вы б еще подсолнухи грызли —
провинциалы.

Батрак.

Побывали б у меня на земле они
отучил бы лодырей от лени!
поют вот
«Долой тиранов, прочь оковы»,
и до вас доберутся,
не смотрите что высоко вы.

Швея.

Совсем как в Питере:
население скучено,
еда скушана.

Нечистые.

Скучно у вас
ох и скушно!

Маф.

Что поделаешь, такой уж строй у нас, —
оно конечно
многое неблагоустроено-с.

Батрак.

Как отсюда вылезти?

Маф.

Спросите у Гавриила.

Батрак.

А Гавриил который? —
Все как один!

Маф (*гордо разглаживая бороду*).

Ну не скажите,
есть и отличие —
вот например бороды длина-с.

Нечистые.

Чего разговаривать?
Крушите!
Это учреждение не для нас.

Батрак.

К обетованной!
ищите за раем.
Шагайте!
рай шажищами взроем.

Хор.

Найдем!
хоть всю вселенную взроем!

Ломают рай, вздымаясь ввысь.

Кузнец.

Заря разгорается
дальше! за рай!
Там все разговеемся...

Но когда сквозь обломки рая долезли до верха, перебивает кузнеца швея.

Да что кормить голодных зарей!

Прачка (*устало*).

Ломаем, ломаем и ломаем мы
тучи
Не время ли мимо им.
Скоро ли скоро ли маями
тело усталое вымоем?

Еще голоса.

Куда?
Не очутимся в новом аду ли?
Надули нас!
Нас надули!
А дальше что?
Чем дальше тем жутче.

Подумав.

Вперед трубочиста! иди лазутчик!

Из тюрьмы обломков рая вырастает новая и последняя картина.

КАРТИНА ТРЕТЬЯ.

Обетованная страна. Огромнейшие во всю сцену ворота. Ворота размалеваны в какие-то углы, из которых слабо намечаются улицы и площади земных местностей. А наверху, над забором качаются саженные цветы и горящим семицветием просвечивает радуга. У ворот лазутчик возбужденно выкликающий карабкающихся.

Трубочист.

Сюда товарищи!
сюда!
высаживайте десант!

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ.

Подымаются нечистые и страшным удивлением окидывают ворота.

Трубочист.

Чудес-с-с-а!!

Плотник.

Да ведь это Ивано-Вознесенск!
Хорошие чудеса.

Слуга.

Как это проходимцам верить вас спрошу я!

Рыбак.

Да не Вознесенск это—
верьте чести.
Это Марсель.

Сапожник.

А по моему Шуя

Рудокоп.

Не Шуя вовсе.
Это Манчестер.

Батрак.

Манчестер Шуя—
не в этом дело—
главное
опять очутились на земле,
опять у того же угла.

Все.

Кругла земля проклятая.
Ох и кругла.

Прачка.

Земля да не та
по моему.
Для земли не мало ли пахнет помоями.

Слуга.

Что это в воздухе—
сласть какая-то разабрикосена?

Сапожник.

Абрикосы?
В Шуе?
да и время как будто к осени.

Подымают головы. Радуга бьет в глаза.

Все.

А ну фонарщик,—
ты с лестницей—
лезь да глазом окинь.

Фонарщик (*лезет и останавливается обмерев. Только и мямлит*).

Дураки мы,
ну и дураки!

Нечистые (*разом*).

Да рассказывай.
Смотрит что гусь на молнию!
Рассказывай! Сыч!

Фонарщик.

Н-е м-о-г-у.
Т-а-к-а-я
к-о-с-н-о-я-з-ы-ч-ь.
Дайте мне, дайте стоверстный язычище.
Луча чтоб солнечного ярче и чище
чтоб не тряпкой висел
чтоб раструбливался лирой
чтобы этот язык раскачивали ювелиры
чтоб слова
соловьи разносили из рта...
да что—
и тогда не расскажешь ни черта!
Бутыли горящие ходят булькая...

Голоса.

Булькая?

Фон.

Да булькая!
Дерево цветет.
Да не цветком а булкою!

Голоса.

Булкою?

Фон.

Да булкою!

Батрак.

А хозяйка расфуфыренная
и хозяин мопсовидный—
ходят по городу тротуары уродуя?

Фон.

Нет,
отсюда никого не видно.
Ничего не заметил этого рода я.
Сахарная женщина.
Две еще!

Все.

Да говори хоть подробней немножко!

Фонарщик.

Да ходят всякие.
Явства
вещи.
У каждой ручка.
У каждой ножка.
Фабрики во флагах
за верстою верста.
Куда ни ткнется взор стоног
в цветах
без работы стоят
верстак
станок.

Нечистые (*беспокойно*).

Стоят?
без работы?
а мы здесь исхищряемся в словесном спорте.
может дождь пойдет,
машины испортит.
Ломитесь!
Кричите!
Эй!
Кто тут?

Фонарщик (*скатываясь*).

Идут!

Все.

Кто?

Фонарщик.

Вещи идут!

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ.

Ворота распахиваются и открывается город; но какой город Громоздятся в небо распахнутые махины прозрачных фабрик и квартир. Обвитые радугами стоят поезда, трамваи и автомобили, а по середине сад звезд и лун, увенчанный сияющей кроной солнца. Из витрин вылазят лучшие вещи и, предводительствуемые хлебом и солью, идут к воротам.

По онемелым рядам прижавшихся нечистых.

А-А-А-Х-Х-Х

Вещи.

Ха ха ха ха ха.

Оживший батрак.

Кто вы?
чьи вы?

Вещи.

Как чьи?

Батрак.

Да как вашего хозяина имя?

Вещи.

Никаких хозяев.
Ничьи мы.

Батрак.

А для кого хлеб?
соль?
сахарная голова?—
встречаете кого?

Вещи.

Вас!
Все вам!

Все.

Нас?
нам?

Кузнец.

Спим должно быть,
выдумки сна.

Швея.

Раз
вот так
сидела галеркою.
На сцене бал.
Травиата.
Ужин.
Вышла—
и такой это показалась горькою
жизнь.
Грязь.
Лужи.

Вещи.

Никуда это теперь от вас не денется—
это земля.

Охотник.

Будет морочить.
Какая это земля.
Земля грязь.
Земля ночи.
На земле наработаешь, разинешь рот,
а жирный такой—придет и отберет.

Прачка (*хлебу*).

Зовет
а сам—
небось—
кусаться будет.
Пятьсот рублей что пятьсот зубов должно быть
на каждом пуде.

Плотник (*машине*).

Тоже—
подходит.
Походка мышиная.
Мало коверкало нас машиною!
Вам бы лишь зубы на рабочих растить.

Все вещи.

Прости рабочий!
рабочий прости!
Рубля рабы
рабы рабовладельца
были.
Заставил цепными делаться!
Берегла прилавки сторублева и зла.
В окна скалила зубья зарев.
Купцовы щупальцы лезли из лавок.
Билось злобой сердце базаров!
Революция
прачка святая

с мылом
всю грязь лица земного смыла.
Для вас—
пока блуждали в высях—
обмытый мир
расцвел и высох!
Свое берите!
Берите!

Идите!
Рабочий иди!
Иди победитель!

Голоса.

Нога не бритва
авось не ступим
давайте братцы попробуем
ступим!

Нечистые ступают. Батрак трогает землю.

Землица!
Она!
Родимая землица!

Все.

Запеть бы теперь!
Закричать!
Замолиться!

Булочник (*плотнику*).

Сахар-то
я его лизнул.

Плотник.

Ну?

Булочник.

Сладок, просто сладок.

Несколько голосов.

Теперь с весельем не будет слада!

Батрак (*хмелея*).

Товарищи вещи
знаете что—
довольно судьбу пытать.
Давайте мы будем вас делать,
а вы нас питать.
А хозяин навяжется—не выпустим живьем!
Заживем?

Все.

Заживем!
заживем!

нечистые жадно посматривая на вещи.

Батрак.

Я бы взял пилу. Застоялся. Молод.

Пила.

Бери!

Швея.

А я иглу б.

Кузнец.

Рука не терпит—давайте молот!

Молот.

Бери! Голубь!

нечистые, вещи и машины кольцом окружают солнечный сад.

Книга (*обиженно*).

А я?

Все.

Иди!
Довольно ускользала ижица.
Становись книжица!

книга становится в почтительно разомкнутый круг.

Все.

Чего волами подъяремными мычали!
ждали
ждали

ждали года!
и никогда не замечали
под боком такую благодать.
И чего это люди лазят в музеи? —
живое сокровище на сокровище вокруг.
Что это небо или кусок бумазеи!?
Если это дело наших рук,
то какая дверь перед нами не отворится?
Мы зодчие земель,
планет декораторы, —
мы чудотворцы
Лучи перевяжем пучками метел
чтоб тучи небес электричеством вымести.
Мы реки миров расплещем в меде.
Земные улицы звездами вымостим.
Копай!
долби!
пили!
буравь!
Все ура!
Всему ура!
Солнцепоклонники у мира в храме.
Покажем как петь умеем мы.
Становитесь хорами —
солнцу псалмы!

Гимн (*торжественно*).

Сон вековой разнесен —
целое море утр.

Хутор мира цвети
Ты наш!
а над нами солнце солнце и солнце.
Радуйтесь все кто силен.
Цех созидателей мира рабочих.
Бочек вина пьянее
жизнь.
Грей! Играй! Гори!
Солнце—наше солнце!
Довольно.
Мир исколесен.
Цепь железа сменили цепью любящих рук.
Игру новую играйте!
вкруг!
Солнцем играйте! Солнце катайте! Играйте в солнце!

пауза а за ней

Кузнец.

Идем!
Идем по градам и весям!
Флагами наши души развесим.
Вылазьте из грязи
все кому
надоели койки ночлежных нар.
Городов граниты
зелени сел—
наше все—
мир коммунар.

Все.

Трудом любовным
приникнем земле
все
дорога кому она.
Хлебьтесь поля!
Дымьтесь фабрики!
Славься!
Сияй!
Солнечная наша
Коммуна!

ЗАНАВЕС.

КОНЕЦ.

150.000.000

150.000.000 мастера этой поэмы имя.
Пуля — ритм.
Рифма — огонь из здания в здание.
150.000.000 говорят губами моими.
Ротационкой шагов
в булыжном верже площадей
напечатано это издание.

Кто спросит луну?
Кто солнце к ответу притянет —
чего
ночи и дни чините!?
Кто назовет земли гениального автора?
Так
и этой
моей
поэмы
никто не сочинитель.
И идея одна у нее —
сиять в настающее завтра.

В этом самом году
в этот день и час
под землей
на земле
по небу
и выше —
такие появились
плакаты
летучки
афиши:

„ВСЕМ! ВСЕМ! ВСЕМ!

Всем
кто больше не может!
Вместе
выйдите
и идите!“

(подписи:)

Месть — церемонимейстер.
Голод — распорядитель.

Штык.
Браунинг.
Бомба.

(три
подписи:
секретари).

Идем!
Идем, идем!
го, го,
го, го, го, го,
го, го.
Спадают!
Ванька! —
керенок подсунь-ка в лапоть!
Босому что ли на митинг ляпать?
Пропала Россеичка!
Загубили бедную!
Новую найдем Россию.
Всехсветную!
Иде-е-е-е-е-м!

Он сидит раззолоченный
за чаем
с птифур;
я приду к нему
в холере;
я приду к нему
в тифу.
Я приду к нему,
я скажу ему:
«Вильсон мол,
Вудро,
хочешь крови моей ведро?
И ты увидишь»...
До самого дойдем

до Ллойд-Джорджа —
скажем ему:
послушай
Жоржа...
— До него дойдешь!
До него океаны.
Страшен
как же
Российский одер им.
— Ничего!
Дойдем пешкодером!
Идем идем!

Будилась призывом,
из лесов
спросонок
лезла сила зверей и зверят.
Визжал придавленный слоном поросенок.
Щенки выстраивались в щенячий ряд.
Невыносим человечий крик.
Но зверий
душу веревкой сворачивал.
(Я вам переведу звериный рык,
если вы не знаете языка зверячьего:)

«Слушай
Вильсон
заплывший в сале!
Вина людей —

наказание дай им.
Но мы
не подписывали договора в Версале.
Мы
зверье
за что голодаем?
Свое животное горе киньте им!
До-сыта наесться хоть раз бы еще!
К чреватым саженными травами Индиям
к Американским идемте пастбищам!»

О о-гу!
Нам тесно в блокаде клетке.
Вперед автомобили!
На митинг мотоциклетки!

Мелочь направо!
дорогу дорогам!
Дорога за дорогой выстроились в ряд.
Слушайте что говорят дороги!
Что говорят?

«Мы задохлись ветрами и пылями
вьясь степями по рельсам голодненькими.
Немощенными хлипкими милями
надоело плестись за колодниками.
Мы хотим разливаться асфальтом
под экспрессов тарой осев.
Подымайтесь!

довольно поспали там
колыбелимые пылью шоссе!
Иде-е-е-е-м!»

И-и-и-и-и-и-и-и-и-и-и-и-и-и-и
К каменеугольным идемте бассейнам!
За хлебом!
За черным!
Для нас засеянным.
Без дров ходить —
дураков наймите!
На митинг паровозы!
Паровозы
на митинг!

Скоре-е-е-е-е-е-е-е!
скорей скорей!
Эй
губернии
снимайтесь с якорей!
За Тульской Астраханская
за махиной махина
стоявшие недвижимо
даже при Адаме
двинулись
и на
другие
прут погромыхивая городами.

Вперед запоздавшую темь гоня
сшибаясь ламп лбами
на митинг шли легионы огня
шагая фонарными столбами.

А по верху
воду с огнем миря
загнившие утопшими катились моря.
«Дорогу каспийской волне баловнице!
Обратно в России русло не поляжем!
Не в чахлом Баку
а в ликующей Ницце
с волной средиземной пропляшем по пляжам».

И наконец
из-под грома
бега и езды
в ширь непомерных легких завздыхав
всклокоченными тучами рванулись из дыр
и пошли грозой российские воздуха.
Иде-е-е-е-м!
Идемидем!

И все эти
сто пятьдесят миллионов людей
биллионы рыбин
триллионы насекомых
зверей
домашних животных

сотни губерний
со всем что построилось
стоит
живет в них,
все что может двигаться,
и все что не движется,
все что еле двигалось,
пресмыкаясь
ползая
плавая—
лавою все это
лавою!

И гудело над местом
где стояла когда-то Россия.
— Это же-ж не важно
чтоб торговать сахарином!
В колокола клокотать чтоб—сердцу важно!
Сегодня
в рай
Россию ринем
за радужные закатов скважины. —

Го, го
го, го, го, го
го, го
Идемидем!
Сквозь белую гвардию снегов!

Чего полезли губерний туши
из веками намеченных губернаторами
зон?
Что слушая небес зияют уши?
Кого озирает горизонт?

Оттого
сегодня
на нас устремлены
глаза всего света
и уши всех напряжены
наше малейшее ловя
чтобы видеть это—
чтобы слушать эти слова:
это
революции воля
брошенная за последний предел,
это
митинг
в махины машинных тел
вмешавший людей и зверьи туши,
это
руки
лапы
клешни
рычаги —
туда
где воздух поредел
вонзенные в клятвенном единодушьи.
Поэтов
старавшихся выть поднебесней
забудьте,
эти слушайте песни:

«Мы пришли сквозь столицы
сквозь тундры прорвались
прошагали сквозь грязи и лужищи.
Мы пришли миллионы
миллионы трудящихся
миллионы работающих и служащих.
Мы пришли из квартир
мы сбежали со складов
из пассажей пожаром озаренных.
Мы пришли миллионы
миллионы вещей
изуродованных
сломанных
разоренных.

Мы спустились с гор
мы из леса сползлись
от полей годами глоданных.
Мы пришли
миллионы
миллионы скотов
одичавших
тупых
голодных.

Мы пришли
миллионы
безбожников

язычников
атеистов —
биясь —
лбом
ржавым железом
полем —
все
истово
Господу Богу помолимся.
Выйдь
не из звездного
нежного ложа
Боже железный
огненный Боже
Боже не Марсов
Нептунов и Вег
Боже из мяса —
Бог — человек!
Звездам на мель
не загнанный в высь
земной
между нами
выйди
явись!
Не тот который
«иже еси на небесех» —
сами,
на глазах у всех,
сегодня

мы
займемся
чудесами.

Твое во имя
биться дабы
в громе
в дыме
встаем на дыбы.
Идем на подвиг
труднее божеского втрое
творившего
пустоту вещами даруя.
А нам
не только новое строя
фантазировать
а еще и издинамитить старое.

Жажда пои!
Голод насыть!
Время
в бои
тело носить.

Пули погуще!
По оробелым!
В гущу бегущим
грянь парабеллум!

Самое это!
С донышка душ!
Жаром
жженьем
железом
светом
жарь
жги
режь
рушь!

Наши ноги —
поездов молниеносные проходы.
Наши руки —
пыль сдувающие веера полян.
Наши плавники — пароходы.
Наши крылья — аэроплан.
Итти!
лететь!
проплывать!
катиться!
всего мирозданья проверяя реестр.
Нужная вещь —
хорошо
годится.
Ненужная —
к чорту!
черный крест.
Мы

тебя доконаем
мир романтик!
Вместо вер
в душе
электричество
пар.
Вместо нищих —
всех миров богатство прикарманьте!
Стар — убивать.
На пепельницы черепа!

В диком разгроме
старое смыв
новый разгромим
по миру миф.
Время — ограду
взломим ногами.
Тысячу радуг
в небе нагаммим.
В новом свете раскроются
поэтом опоганенные розы и грезы.
Все
на радость
нашим
глазам больших детей.
Мы возьмем
и придумаем
новые розы —
розы столиц в лепестках площадей.

Все
у кого
мучений клейма нажжены
тогда приходите к сегодняшнему палачу.
И вы
узнаете
что люди
бывают нежны
как любовь
к звезде вздымающаяся по лучу
Будет
наша душа
любовных Волг слиянным устьем.
Будешь
— любой приплыви! —
глаз сияньием облит.
По каждой
тончайшей артерии
пустим
поэтических вымыслов феерические корабли.
Как нами написано
мир будет таков
и в среду
и в прошлом
и ныне
и присно
и завтра
и дальше
во веки веков!

За лето
столетнее
бейся
пой —
— «И это будет
последний
и решительный бой»!
Залпом глоток гремим гимн!
Миллион плюс!
Умножим на сто!
По улицам!
На крыши!
За солнца!
В миры —
слов звонконогие гимнасты!
И вот
Россия
не нищий оборвыш
не куча обломков
не зданий пепел —
Россия
вся
единый Иван
и рука
у него —
Нева
а пятки — каспийские степи.
Идем!
идемидем!

Не идем а летим!
Не летим а молньимся
души зефирами вымыв!
Мимо
баров и бань.
Бей барабан!
Барабан барабань!
Были рабы.
Нет раба.
Баарбей.
Баарбань.
Баарабан.
Эй стальногрудые!
Крепкие эй!
Бей барабан!
Барабан бей!
Или или.
Пропал или пан.
Будем бить.
Бьем.
Били.
В барабан!
В барабан!
В барабан!

Революция
царя лишит царева званья.
Революция
на булочную бросит голод толп

Но тебе,
какое дам названье
вся Россия смерчем скрученная в столб?!
Совнарком
его частица мозга,—
не опередить декретам скач его.
Сердце ж было так его громоздко
что Ленин еле мог его раскачивать.
Красноармейца можно отступить заставить
коммуниста сдавить в тюремный гнет,
но такого —
в какой удержишь заставе
если
такой
шагнет?!
Гром разодрал побережий уши
и брызги взметнулись земель за тридевять
когда Иван
шаги обрушив
пошел
грозою вселенную выдивить.

В стремя фантазии ногу вденем
дней оседлаем порох
и сами
за этим блестящим виденьем
пойдем излучаться в несметных просторах.

Теперь
повернем вдохновенья колесо.
Наново ритма мерка.
Этой части главное действующее лицо—
Вильсон.
Место действия—Америка.

Мир
из света частей
собирая квинтет
одарил ее мощью магической.
Город в ней стоит
на одном винте
весь электро-динамо-механический.

В Чикаго
14.000 улиц
солнц площадей лучи.
От каждой—
700 переулков
длиною поезду на́ год.
Чудно́ человеку в Чикаго!

В Чикаго
от света
солнце
не ярче грошевой свечи.
В Чикаго
чтоб брови поднять
и то
электрическая тяга.
В Чикаго
на версты
в небо
скачут
дорог стальные циркачи.
Чудно́ человеку в Чикаго!

В Чикаго
у каждого жителя
не менее генеральского чин.
А служба
в барах быть
кутить без забот и тягот.
Съестного
в чикагских барах
чего чего не начудено!
Чудно́ человеку в Чикаго!
Чудно́ человеку!

И чу́дно!
В Чикаго
такой свирепеет грохот—
что грузовоз
с тысчесильной машиною —
казался
что ветрится тихая кроха
что он
прошелестывал тишью мышиною.

Русских
в город тот
не везет пароход
не для нас дворцов этажи.
Я один там был
в барах ел и пил
попивал в барах с янками джин.

Может пустят и вас
не пустили пока—
начиняйтесь же и вы чудесами—
в скороходах стихах
в стихах сапогах
исходите Америку сами!
Аэростанция
на небоскребе.
Вперед
пружиня бока в дирижабле!
Сожмутся мосты до воробьих ребер.
Чикаго внизу
землею прижаблен.
А после
с неба
видные еле
сорвавшись
камнем в бездну спланируем.
Тоннелем
в метро
подземные версты выроем
и выйдем на площадь.
Народом запружена.
Версты шириною с три.

Отсюда начинается то что нам нужно—
— «Королевская улица»—
по-ихнему:
«Рояль Стрит»—

Что за улица?
Что на ней стоит?

А стоит на ней —
Чипль-Стронг-Отель.
Да отель ли то
или сон?!
А в отеле том
в чистоте,
в теплоте
сам живёт —
Вудро
Вильсон.
Дом какой не скажу.
А скажу когда
то покорнейше прошу не верить.
Места нет такого отойти куда
чтоб всего его глазом обмерить.
То
что можно увидеть
один уголок —
но и то
такая диковина!
Посмотреть например
на решетки клок —
из гущенного солнца кована.
А с боков обойдешь —
гора не гора!
Верст на сотни.

А может на тыщи.
За седьмое небо зашли флюгера.
Да и флюгер
не богом ли чищен?
Тоже лестница там!
Не пойдешь по ней! —
меж колоночек
балкончиков
портиков
сколько в ней ступеней
и не счесть ступне —
ступеней этих самых
до чортиков!
Коль пешком пойдешь —
или молодой!
Да и то
дойдешь ли старым!
А для лифтов —
трактиры по лестнице той!
чтоб не изголодались задаром.
А доехали —
если рады нам —
по пяти впускают парадным.
Триста комнат сначала гости идут.
Наконец дошли.
Какое!
Тут
опять начались покои.
Вас встречает лакей.

Булава в кулаке.
Так пройдешь лакеев пять.
И опять булава.
И опять лакей.
Залу кончишь —
лакей опять.
За лакеями
гуще еще
курьер.
Курьера курьер обгоняет в карьер.
Нет числа.
От числа такого
дух займет у щенка Хлестакова.
И только
уставши
от страшных снований —
когда
не кажется больше
что выйдешь,
а кажется
нет никаких оснований
чтоб кончилось это —
приемную видишь.
Вход отсюда прост —
в триаршинный рост
секретарь стоит в дверях нем.
Приоткроем дверь.
По ступенькам — (две)
приподымемся

вглянем
ахнем! —
То не солнце днем
цилиндрище на нем
вызвышается башнею Сухаревой.
Динамитом плюет
и рыгает огнем
рыжий весь
и ухает ухарево.
Посмотришь в ширь
иоркширом иоркширом!
а длина —
и не скажешь какая длина
так далеко от ног голова удалена!
То ль заряжен чем
то ли с присвистом зуб,
что не звук —
бух пушки.
Люди мелочь одна
люди хотят внизу
под ним стоят
как избушки.
Щеки ж
такой сверхъестественной мякоти
что сами просятся:
придите
лягте.
А одежда тонка
будто вовсе и нет —

из тончайшей поэтовой неги она.
Кальсоны Вильсона
не кальсоны — сонет
сажени из ихнего Онегина.
А работает как!
Не покладает рук.
Может заработаться до смерти.
Вертит пальцем большим
большого вокруг.
То быстрей
то медленней вертит.
Повернет —
расчет где нибудь
на заводе.
Мне
платить не хотят построчной платы.
Повернет —
Штраусы вальсы заводят,
золотым дождем заливает палаты.
Чтоб его прокормить
поистратили рупь.
Обкормленный весь
опоенный.
И на случай смерти,
не пропал чтоб труп, —
салотопки стоят
маслобойни.
Все ему
американцы отданы

и они
гордо говорят —
Я
американский подданный.
Я
свободный
американский гражданин. —
Под ним склоненные
стоят
его услужающих сонмы.
Вся зала полна
Линкольнами всякими
Уитмэнами
Эдиссонами.
Свита его
из красавиц
из самой отборнейшей знати.
Его шевеленья малейшего ждут.
Аделину
Патти
знаете?
тоже тут!
В тесном смокинге стоит Уитмэн
качалкой раскачивать в невиданном ритме
Имея наивысший американский чин —
«заслуженный разглаживатель дамских морщин»
стоит уже загримированный и в шляпе
всегда готовый запеть Шаляпин.
Паркеты песком соря

рассыпчатые от старости стоят професора.
Сам знаменитейший Мечников
стоит и снимает нагар с подсвечников.
Конечно
ученых
сюда
привел
теорий потоп.
Художников
какое-нибудь
великолепнейшее
экольдебозар.
Ничего подобного!
Все
сошлись
чтоб
ходить на базар.
Ежеутрене
все эти
любимцы муз и слав
нагрузятся корзинами
идут на рынок —
и несут,
несут
мяса
масла.
Какой-нибудь король поэтов
Лонгфелло!
сто волочит со сливками крынок.

Жрет Вильсон
наращивает жир
растут животы
за этажем этажи.
Небольшое примечание:
художники
Вильсонов
Ллойд-Джорджев
Клемансо
рисуют —
усатые
безусые рожи —
и напрасно:
все
это
одно и то же.

Теперь
довольно смеющихся глав нам.
В уме
Америку
ясно рисуете.
Мы переходим
к событиям главным.
К невероятной
к гигантской сути.

День
этот
был
огнеупорный.
В разливе зноя земли тихли.
Ветров иззубренные бороны
вотще старались воздух взрыхлить.
В Чикаго
жара непомерная
градусов 100
а 80—наверное.
Все на пляже
Кто могли гуляли себе.
А в большой части лежали даже.
Пот
благоухал
на их холеном теле.
Ходили и пыхтели.
Лежали и пыхтели.
Барышни мопсиков на цепочках водили
и
мопсик
раскормленный был
как теленок.
Даме одной
дремавшей в идиллии
в ноздрю
сжаревший влетел мотыленок.
Некоторые вели оживлённые беседы,

говорили «ах»
говорили «ух».
С деревьев слетал пух.
Слетал с деревьев мимозовых.
Розовел
на белых шелках и кисеях.
Белел на розовых.
Так
довольно долго
все занимались
приятным времяпрепровождением.
Но уже
час тому назад
стало
кое-что
меняться.
Еле слышное
разве только что кончиком души —
дуновенье какое-то.
В безветренном море
ширятся всплески.
Что такое?
Чего это ради ее?
А утром
в молнином блеске
АТА
(Американское Телеграфное Агентство)
город таким шарахнуло радио:
«Страшная буря на Тихом океане.

Сошли с ума муссоны и пассаты.
На Чикагском побережье выловлены рыбы.
Очень странные.
В шерстях.
Носатые».
Вылазили сонные,
не успели еще обсудить явление
а радио
спешные
вывешивало добавления:
«Насчет рыб ложь.
Рыбак спьяну местный.
Муссоны и пассаты на месте.
Но буря есть.
Даже еще страшней.
Причины неизвестны».
Выход судам запретили большие
к ним
присоединились
маленькие пароходные компанийки.
Доллар пал.
Чемоданы нарасхват.
Биржа в панике.
Незнакомого
на улице
останавливали незнакомые
— не знает ли чего человек со стороны—
Экстренный! выпуск!
Радио!

Выпуск экстренный!
«Радиограмма переврана.
Не бурь раскат.
Другое.
Грохот неприятельских эскадр».
Радио расклеили.
И опровергая оное
сейчас же
новое
последнее
захватывающее
сенсационное.
«Не пушечный дым—
океанская синева.
Нет ни броненосцев
ни флотов
ни эскадр.
Ничего нет.
Иван».
Что Иван?
Какой Иван?
Откуда Иван?
Почему Иван?
Чем Иван?
Положения не было более запутанного.
Ни одного объяснеиия
достоверного
путного.
Сейчас же собрался коронный совет.

Всю ночь во дворце беспокоился свет.
Министр Вильсона
Артур Крупп
заговорился так
что упал как труп.
Капитализма верный трезор
совсем умаялся сам Крезо.
Вильсон
необычайное
проявил упорство
и к утру
решил—
иду в единоборство.
Беда надвигается.
Две тысячи верст.
Верст за тысячу.
За сто.
И........
очертанья идущего
нащупали
заметили
увидели маяки глазастые.

Строки
этой главы
гремите
время ритмом роя!
В песне
миф о героях Гомера
история Трои
до неузнаваемости раздутая
воскресни!

Голодный
с теплом в единственный градус
жизни
как милости даренной
радуюсь
ход твой следя легендарный.
Куда теперь?
Где пеш?
какими идешь морями?
Молнию рвущихся депеш
холодным стихом орамим.
Ворвался в Дарданеллы Иванов разбег.
Турки
с разинутыми ртами
смотрят
человек
— голова в Казбек —
идет над Дарданелльскими фортами.
Старики улизнули.
Молодые на мол.
Вышли
Песни бунта и молодости.
И лишь
до берега вал домел
и лишь волною до мола достиг —
бросились
будто в долгожданном сигнале
человек на человека
класс на класс.

Одних короновали.
Других согнали.
Пешком по морю —
и скрылись из глаз.
Других глотает морская ванна
другими
акула кровавая кутит
а эти
вошли
ввалились в Ивана
и в нем разлеглись
как матросы в каюте.

(А в Чикаго
ничто не сулило пока
для чикагцев страшный час.
Изогнувшись дугой
оттопырив бока
веселились
танцами мчась).

Замерли римляне.
Буря на Тибре.
А Тибр
взъярясь
папе римскому голову выбрил
и пошел к Ивану сквозь утреннюю ясь.

(А в Чикаго
усы в ликеры вваля

выступ мяса облапив бабистый
Илл-ля-ля!
Олл-ля-ля!
процелованный
взголенный
разухабистый).

Черная ночь.
Без звездных фонарей.
К Вильсону
скользя по водным массам
коронованный поэтами
крадется Рейн
слегка посвечивая голубым лампасом.

(А Чикаго
спит
обтанцован
опит
рыхотелье подушками выхоля.
Синь уснула.
Сопит.
Море храпом храпит.
День встает.
Не расплатой на них ли?)

Идет Иван
сияньем брежжет.
Шагает Иван
прибоями брыжжет.

Бежит живое.
Бежит побережит.
Вулканом мир хорохорится рыже.
Этого вулкана нет на
составленной старыми географами карте.
Вселенная вся
а не жалкая Этна
народов лавой брызжущий кратер.
Ревя несется
странами стертыми
живое и мертвое
от ливня лав.
Одни к Ивану бегут
с простертыми
руками —
другие к Вильсону стремглав
Из мелких фактов будничной тины
выявился факт один:
вдруг
уничтожились все середины —
нет на земле никаких середин.
Ни цветов
ни оттенков
ничего нет —
кроме
цвета красящего в белый цвет
и красного
кровавящего цветом крови.
Багровое все становилось багровей.

Белое все белей и белее.
Иван
через царства
шагает по крови
над миром справляя огней юбилеи.
Выходит что крепости строили даром.
Заткнитесь болтливые пушки!
Баста!
Над неприступным прошел Гибралтаром
и мир
океаном Ивану распластан.

(А в Чикаго
на пляже
выводок шлюх
беснованием моря встревожен.
Погоняет время за слухом слух
отпустив небылицам вожжи).

Какой адмирал
в просторе намытом
так пути океанские выучит?!
Идет
начиненный людей динамитом.
Идет
всемирной злобою взрывчат.
В четыре стороны расплылось
тихоокеанское лоно.
Иван

без карт
без компасной стрелки
шел
и видел цель неуклонно
как будто
не с моря смотрел
а с тарелки.

(А в Чикаго
до Вильсона
докатился вал
брошенный Ивановой ходьбою.
Он боксеров
стрелков
фехтовальщиков сзывал
чтобы силу наяривать к бою).

Вот так открыватели
так Колумбы
сияли
когда
Ивану
до носа —
как будто
с тысячезапахой клумбы —
земли приближавшейся запах донесся.

(А в Чикаго
боксеров

распирает труд.
Положили Вильсона на земь
и . . . . .
ну тереть
натирают
трут
растирают силовыми мазями).

Сверльнуло глаза маяка одноглазье, —
и вот
в мозги
в глаза
в рот
из всех океанских щелей вылазя
Америка так и прет и прет.
Взбиралась с разбега верфь на верфь.
на виадук взлетал виадук.
Дымище такой
что в чорта уверовав
идешь убежденный
что ты в аду.

(Где Вильсона дряблость?
сдули!
Смолодел на сорок годов.
Животами мышцы вздулись.
Ощупали.
Есть.
Готов).

Доходит
пеной волну опеня
гигантам домам за крыши замча
на берег выходит Иван
в Америке
сухенький
даже ног не замоча.

(Положили Вильсону последний заклеп
на его механический доспех, —
шлем ему бронированный возвели на лоб
и к Ивану он гонит спех).

Чикагцы
себя
не любят
в тесных улицах мощить.
И без того
в Чикаго
площади самые лучшие.
Но даже
для чикагцев непомерная
площадь
была приготовлена для этого случая.

Люди
место схватки орамив—
пускай непомерное!—
сузили в узел.
С одной стороны—
с горностаем
с бобрами,
с другой—
синевели в замасленной блузе.

Лошади
в кашу впутались
в ту же.
К бобрам—
арабский скакун
к блузам—
тяжелые туши битюжьи

вздымают ржанье
грозят рысаку.

Машины стекались скользя на мази.
На классы разбился
и вывоз
и ввоз.
К бобрам
изящный ушел лимузин,
к блузам
стал
стосильный грузовоз.

Ни песне
ни краске не будет отсрочки
бой вас решит—судия строгий.
К бобрам—
декадентов всемирных строчки.
К блузам—
футуристов железные строки.

Никто
никто не избегнет возмездья—
звезде
и той
не уйти.
К бобрам становитесь
генералы созвездия.
К блузам—

миллионы млечного пути.
Наружу выпустив скованные лавины
земной шар самый
на две раскололся полушарий половины
и застыв
на солнце
повис весами
Всеми сущими пушками
над
площадью об‘явлен был
«чемпионат
всемирной классовой борьбы!»
В ширь
ворота Вильсону—
верста
и то он
боком стал
и еле лез ими.

Сапожищами
подгибает бетон
Чугунами гремит,
железами.

Во Ивана входящего вперился он—
осмотреть врага—
да нечего
смотреть—
ничего

хорошо скожен
цветом тела в рубаху просвечивал.

У того—
револьверы
в четыре курка,
сабля
в семьдесят лезвий гнута
а у этого—
рука
и еще рука
да и та
за пояс ткнута.

Смерил глазом.
Смешок по усам его
Взвил плечом шитье эполетово.
«Чтобы я
—о господи—
этого самого?
чтобы я?
не смог?
вот этого?!»

И казалось
растет могильный холм
посреди ветров обвываний —
ляжет в гроб
и отныне
никто

никогда
ничего
не услышит
о нашем Иване.

Сабля взвизгнула.
От плеча
и вниз
на четыре версты прорез.
Встал Вильсон и ждет —
кровь должна б
а из
раны
вдруг
человек полез.
И пошло ж итти!
Люди
дома
броненосцы
лошади —
в прорез пролезают узкий.
С пением лезут.
В музыке.
О горе!
прислали из северной Трои
начиненного бунтом человека-коня!
Метались чикагцы,
о советском строе
весть по оторопевшим рядам гоня.

Товарищи газетчики
не допытывайтесь точно
где была эта битва
и была ль когда.
В этой главе
в пятиминутье всредоточены
бывших и не бывших битв года.

Не Троцкому
не Ленину стих умиленный.
В бою
славлю миллионы
вижу миллионы
миллионы пою.
Внимайте же историки и витии
битв не бывших видевшему перипетии!

«Вставай проклятьем заклейменный»
радостная выстрелила весть.
В ответ
миллионный
голос
«готово!»
«есть!»

«Боже Вильсона храни.
Сильный державный».
Они
голос подняли ржавый.

Запела земли половина красную песню.
Земли половина белую песню запела.
И вот
за песней за красной
и вот
за песней за белой —
— тараны затарахтели в запертое будущее
лучей щетины заскребли

земли.
Руки разрослись
легко распутывающие
неведомые измерения души и земли.
Шарахнутые бунта веником
лавочники
не доведя обычный торг —
разбежались ошпаренным муравейником
из банков
магазинов
конторок.
На толщь душивших набережных и дамб
к городам
из океанов
двинулась вода.
Столбы телеграфные то здесь,
то там
соборы вздергивали на провода.
Бросив насиженный фундамент
за небоскребом пошел небоскреб,
как тигр в зверинце
мясо
фунтами —
пастью ворот особнячишки сгреб.
Сами себя из мостовых вынув
— Где, — хозяин, — лбище твой? —
В зеркальные стекла бриллиантовых магазинов
бросились булыжники мостовой.
Не боясь сесть на мель

не боясь на колокольни напороть туши
просто —
как мы с вами —
шагали киты сушей.
Красное все,
и все что бело
билось друг с другом,
билось и пело.
Танцевал Вильсон
во дворце кэкуок
заворачивал задом и передом
да не доделала нога экивок
в двери смотрит Вильсон,
а в двери там —
непоколебимые
походкой зловещею
человек за человеком,
вещь за вещью
вваливаются в дверь в эту
«Господа Вильсоны
пожалте к ответу!»

И вот
притворявшиеся добрыми
колье —
на Вильсоних
бросились кобрами.
Выбирая
которая помягче и почище

по гостиным
за миллиардершами
гонялись грузовичищи.

Не убежать!
сороконогая
мебель раскинула лов.
Топтала людей гардеробами.
Протыкала ножками столов.

Через Рокфеллеров
валяющихся ничком
с горлами
сжимаемыми собственным воротничком
растоптав
как тараканов
вывалилась
в Чикаго канув.
По улицам
в саже́ни
дома не видно от дыма сражений.
Как в кинематографе
бывает —
вдруг
крупно —
видят
сквозь хаос
ползущую спекуляцию добивает
встав на задние лапы
Совнархоз.

Но Вильсон не сдается
засел во дворце
нажимает золотые пружины
и выстраивается цепь
нечеловеческии дружины.
Страшней чем танки
чем войск роты
бёзбрюхий встал
пошел сторотый
милльонозубый
ринулся голод.
Город грызнет — орехом росколот.
Сгреб деревню — хрустнула косточкой,
а людей,
а людей и зверей, —
просто в рот заправляет горсточкой.
Впереди его
вывострив ухо
путь расчищая лезет разруха.
Дышит завод.
Разруха слышит.
Слышит разруха — фабрика дышит.
Грохнет по фабрике —
фабрика свалена.
Сдавит завод —
завод развалина.
Рельс обломком крушит как палицей.
Все разрушается
гибнет

валится.
Готовься!
К атаке!
Трудись!
Потей!
Горло голода
разрухи глотку
затянем
петлей железнодорожннх путей.
И когда пересекаться дух стран
стал
голодом сперт —
тогда
раскачивая поездов таран
двинулся вперед транспорт.
Ветрилась паровозов борода седая,
бьются
голод сдал
и по нем,
остатки с‘едая,
груженые хлебом прошли поезда.

Искорежился
и во гневе
Вудро
приказав
«сразите сразу»
новых воинов высылает рой —
смертоноснейшую заразу.

Идут закованные в грязевые брони
спирохет на спирохете
вибрион на вибрионе.
Ядом бактерий.
Лапами вшей
кровь поганят
ползут за шей.
Болезни явились
небывалого фасона:
вдруг
человек
становится сонный
высыпает рябо
распухает
и лопается грибом.
Двинулись
предводимые некою
радугоглазой аптекою,
бутыли карболочные выдвинув в бойницы
лазареты,
лечебницы,
больницы.
Вши отступили,
сгрудились скопом.
Вшей
в упор
расстреливали микроскопом.
Молотит и молотит дезинфекции цеп.
Враги легли

ножки задрав.
А поверху
размахивая флаг-рецепт
прошел победителем мировой Наркомздрав.

Вырывается у Вильсона стон
и в болезнях побит и в еде
и последнее войско высылает он —
ядовитое войско идей.
Демократизмы
гуманизмы
идут и идут
за измами измы.

Не успеешь разобраться
чего тебе нужно,
а уже
философией
голова заталмужена.
Засасывали романсов тиной.
Пением завораживали.
Завлекали картиной.
Пустые головы
книжками
для веса
нагрузив
пошел за профессором профессор.
Их
молодых встретила орава
и дулам браунингов в провал

рухнуло римское право
и какие-то еще права.
Простонародью очки втирая,
адом пугая,
прельщая раем,
и лысые, как колено,
и мохнатые, как звери,
с евангелиями вер,
с заговорами суеверий,
рясами вздыбив пыль —
армией двинулись чернобелые попы.
Под градом декретов
от красной лавины
рассыпались
попы,
муллы,
раввины.
А ну чудотворцы
со смертных одр,
встаньте-ка. —
На месте кровавого спора
опора веры валяется,
Петр
с проломанной головой собственного собора.
Тогда
поэты взлетели на небо,
чтоб сверху стрелять как с аэроплана бы.
Их
на приманку академическбго пайка

заманивали,
ждали не спустятся пока.
Поэты бросались камнем пав —
в работу их
перья рифм ощипав!
В «Полное собрание сочинений»
как в норки
классики забились —
но жалости нет!
Напрасно
их
наседкой
Горький
прикрыл,
распустив изношенный авторитет.
Фермами ног отмахивая мили,
кранами рук расчищая пути
футуристы
прошлое разгромили,
пустив по ветру культуришки конфети.

Стенкой в стенку
валяясь в пыли
билась с адмиралтейством
Лувра труха
пока
у адмиралтейства
на штыке шпиле
не повисли Лувра картинные потроха.

Последняя схватка
сам Вильсон
и в ужасе видят вильсонцы
испепелен он
задом придавить пытавшийся солнце
Кто вспомнит безвестных главковерхов имя
победы громоздивших одна на одну.
Загрохотав в международной Цусиме
эскадра старья пошла ко дну.

Фабриками попирая прошедшего труп
будущее загорланило триллионом труб:
«Авелем называйте нас
или Каином
разница какая — нам.
Будущее наступило.
Будущее победитель.
Эй века —
на поклон идите».
Горизонт перед солнцем расступился злюч.
И только что
мира пол заклавший
Каин гением взялся за луч
как музыкант берется за клавиши.

История
в этой главе
как на ладони бег твой.
Голодая и ноя
города расступаются
и над пылью проспектовой
солнцем встает бытие иное.

Год с нескончаемыми нулями.
Праздник в святцах не имеющий чина
Выфлажено все.
И люди
и строения.
Может быть
октябрьской революции сотая годовщина,
может быть
просто
изумительнейшее настроение.
Разгоняя дирижабли небесам под уклон
поездами
на палубах бесчисленных эскадр
извилинами пеших колонн
за кадром выстраивают человечий кадр.

Большеголовые
в красном сияньи
с Марса слетевшие встали марсияне.
Взыграет аэро
и снова нет.
И снова птицей солнце заслонится.
И снова
с отдаленнейших слетаются планет
винтами развеярясь из-за солнца.
Пустыни смыты у мира с хари
деревья за стволом расфеерили ствол.
На площади зелени
на бывшей Сахаре

сегодня
ежегоднее торжество.

День за днем спускались дни
и снова густела тьма ночная.
Прежде чем выстроиться сумев
они
грянули —
ничинаем,

«Голоса людские
зверьи голоса
рев рек
ввысь славословием вьем.
Пойте все и все слушайте
мира торжественный реквием.

Вам давнишние
года проголодавшие
о рае сегодняшнем раструбливая весть
вам
милльонолетию давшие
петь
пить
есть.
Вам женщины
рожденные под горностаевые
мантии
тело в лохмотья рядя

падавшие замертво
за хлебом простаивая
в неисчислимых очередях.
Вам
легионы жидкокостых детей
толпы искривленной голодом молодежи
те кто дожили до чего-то
и те
кто ни до чего не дожил.
Вам
звери
ребрами сквозя
забывшие о съеденном людьми овсе
работавшие кого-то, и что-то возя
пока исхлестанные не падали совсем.
Вам
расстрелянные на барикадах духа
чтоб дни сегодняшние были пропеты
будущее ловившие в ненасытное ухо
маляры
певцы
поэты.
Вам которые
сквозь дым и чад
жизнью едва державшейся на ётке
ржавым железом шестерней скрежеща
работали все-таки
делали все-таки.
Вам неумолкающих слав слова

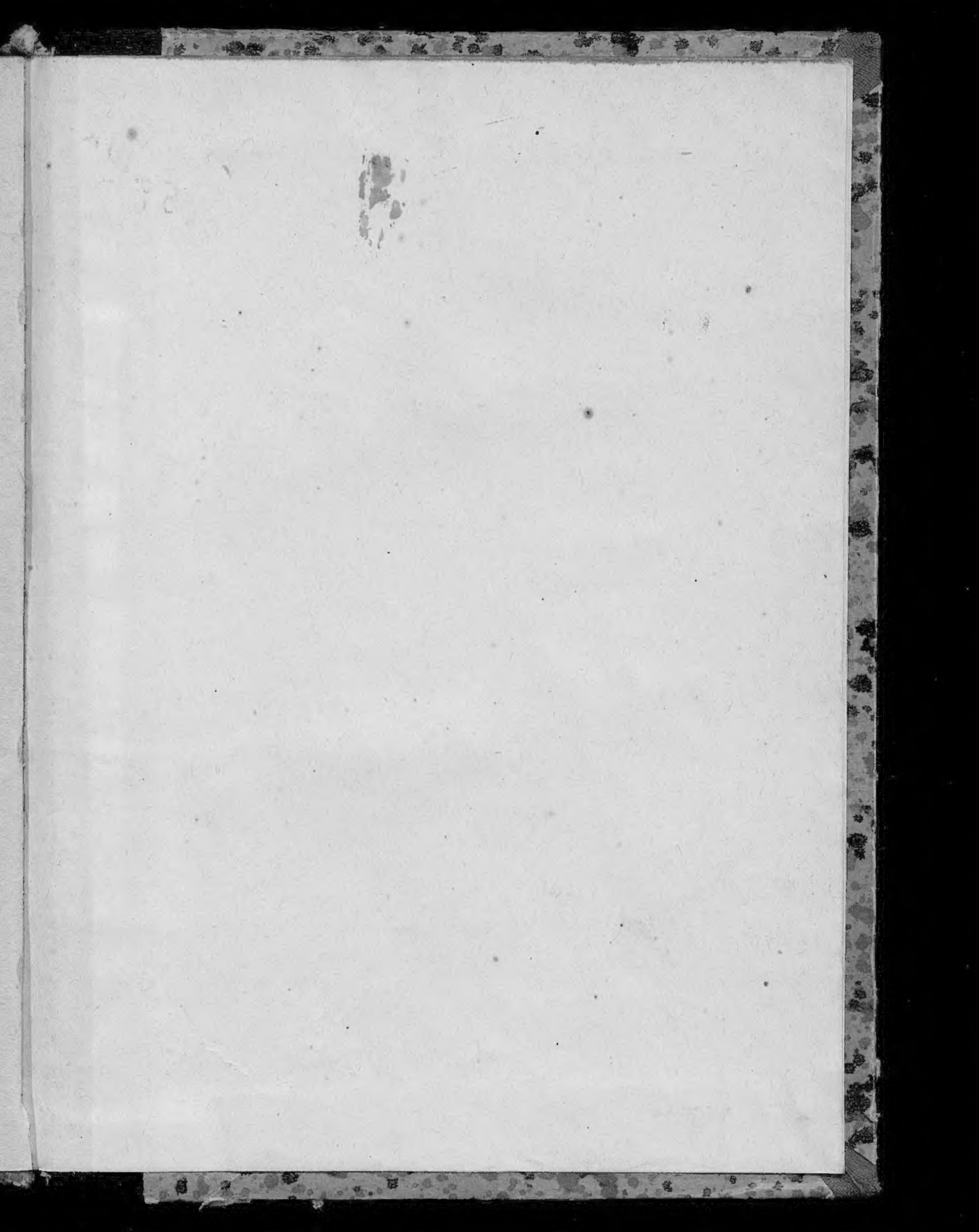
ежегодно расцветающие вовеки не вянув
за нас замученные — слава вам
миллионы живых
кирпичных
и прочих Иванов»

Парад мировой расходился ровно, —
ведь горе давнишнее душу не бесит.
Годами
печаль
в покой воркестрована
и песней брошена ввысь поднебесить.
Еще гудят голосов отголоски
про смерти чьи-то
про память вечную.
А люди
уже
в многоуличном лоске
катили минуту весельем расцвеченную
Ну и катись средь песенного лада
цвети земля в молотьбе и в сеятьбе.
Это тебе
революций кровавая Илиада.
Голодных годов Одиссея тебе!

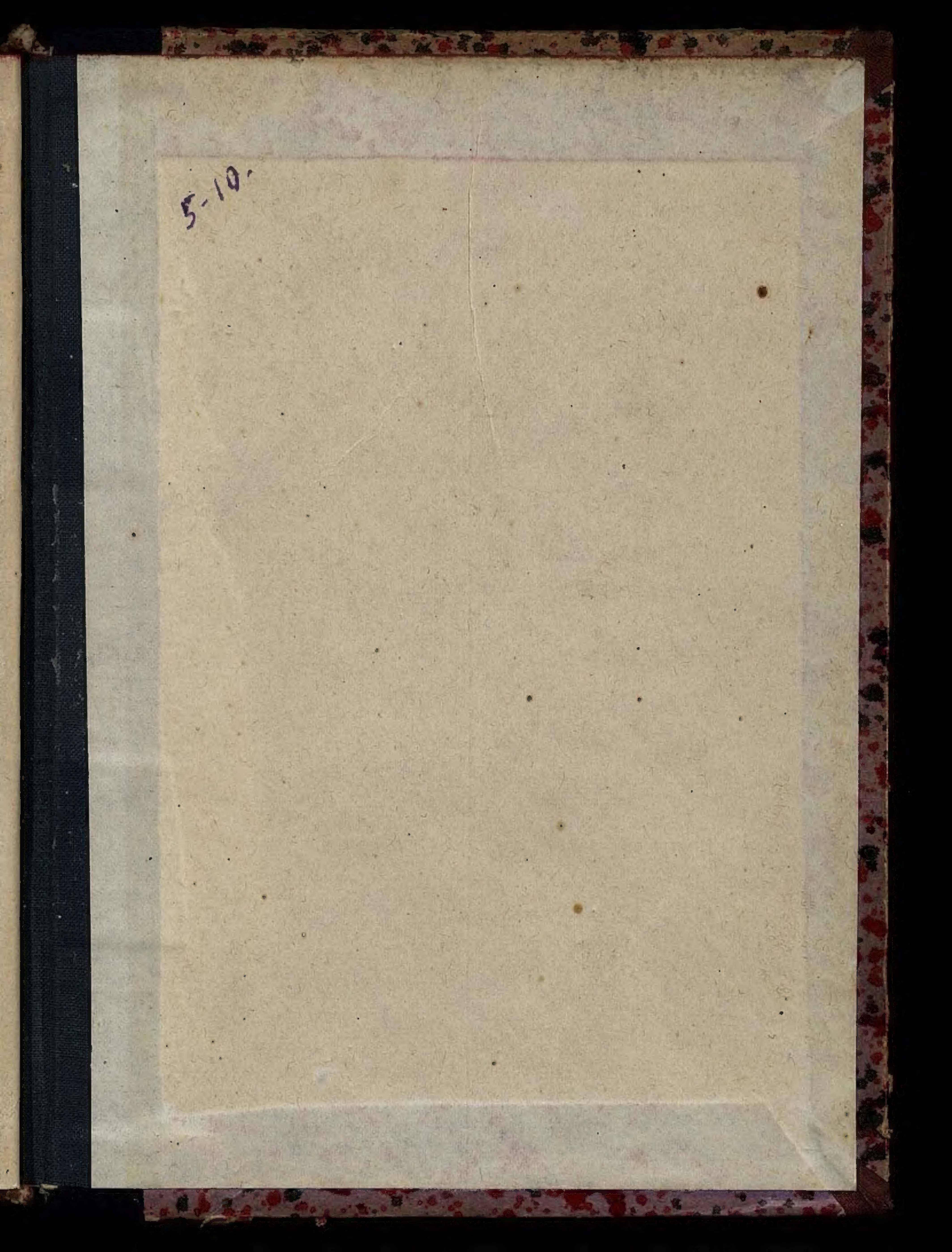

ОГЛАВЛЕНИЕ

КНИГИ I

5 р. 10 к.

5-10.

